

Роман
Сенчин

18+

Срѣв

Проза жизни

Лауреат премии
БОЛЬШАЯ
КНИГА

Роман Сенчин
Срыв (сборник)

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Сенчин Р. В.

Срыв (сборник) / Р. В. Сенчин — «Автор», 2017

ISBN 978-5-17-100442-2

Роман Сенчин – прозаик, автор романов «Елтышевы», «Зона затопления», «Информация», многих сборников короткой прозы. Лауреат премий «Большая книга», «Ясная Поляна», финалист премий «Русский Букер», «Национальный бестселлер». Слом, сбой в «системе жизни» случается в каждой истории, вошедшей в новую книгу Романа Сенчина. Остросоциальный роман «Елтышевы» о распаде семьи признан одним из самых важных высказываний в прозе последнего десятилетия. В повестях и рассказах цикла «Срыв» жизнь героев делится на до и после, реальность предлагает пройти испытания, которые обнажат темные стороны человеческой души и заставят взглянуть по-другому на мир и на себя. Но даже в кажущейся стихии беспроектности можно отыскать свет. Главное – оставаться способным его воспринимать. Сенчин тестирует читателя на эту способность.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-100442-2

© Сенчин Р. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Елтышевы	6
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	28
Глава шестая	34
Глава седьмая	37
Глава восьмая	41
Глава девятая	44
Глава десятая	49
Глава одиннадцатая	54
Глава двенадцатая	59
Глава тринадцатая	64
Глава четырнадцатая	69
Глава пятнадцатая	73
Глава шестнадцатая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Роман Сенчин

Срыв

Проза жизни

Елтышевы

Глава первая

Подобно многим своим сверстникам, Николай Михайлович Елтышев большую часть жизни считал, что нужно вести себя по-человечески, исполнять свои обязанности, и за это постепенно будешь вознаграждаться. Повышением в звании, квартирой, увеличением зарплаты, из которой, подкапливая, можно собрать сперва на холодильник, потом на стенку, хрустальный сервиз, а в конце концов и на машину. Когда-то очень нравились Николаю Михайловичу «Жигули» шестой модели. Мечтой были.

Что-то, конечно, сбывалось. Дали двухкомнатную квартиру; правда, получая ключи, ни сам Николай Михайлович, ни жена не придали значения тому, что квартира эта ведомственная, – просто радовались. Квартира была просторной, казалась огромной, и двое сыновей, девятилетний Артем и шестилетний Денис, даже носясь по ней ураганом, разбрасывая игрушки, не мешали, не путались под ногами как раньше. Каждому было в квартире место... В звании художественно, но повышали – от сержанта до старшего лейтенанта Николай Михайлович продвигался почти в соответствии с выслугой лет. И зарплата тоже позволяла подкапливать, и в семьдесят седьмом купили машину, пусть не шестую модель, а третью, с пробегом сорок тысяч километров, но все же... Плохо, что место под гараж долго не давали – стояла машина во дворе, постепенно поедаемая по низу кузова ржавчиной. Зато потом удалось купить гараж готовый – заливной, с печкой, подвалом, смотровой ямой. Отличный гараж. А когда «жигули» износились – продали на запчасти, добавили денег, взяли «Москвич» двадцать один сорок один.

Да, до поры до времени жизнь текла пусть непросто, но в целом правильно, как должно. Вместо черно-белого «Рекорда» появился сначала цветной «Рубин», а потом «Самсунг»; вместо громоздкого фанерного серванта – высокая изящная вместительная стенка. Старший сын, Артем, закончил школу, и не восьмилетку, как когда-то Николай Михайлович (вынужден был идти работать – матери четверых детей было не прокормить), готовился поступать в пединститут, на истфак; младший учился в школе неплохо, боксом занимался. Жена работала в центральной библиотеке города...

Тот момент, когда, как в сказке про богатыря, нужно было выбрать путь, по которому двинуться дальше, Елтышев проспал. Точнее, не момент это был, а несколько тягостных и в то же время суматошных, переломных, как оказалось, лет. Да и не спал Николай Михайлович, а наблюдал, взвешивал, примеривался, не веря, что ход жизни ломается всерьез и появляется шанс вырваться вперед многих.

Позже, больно сжимая кулаки, Николай Михайлович вспоминал, как ему предлагали увольняться со службы, «заняться делом», «вступить в долю», как появлялась то одна, то другая возможность действительно изменить судьбу. Но он не решался. Может, и правильно поступил – нескольких человек из тех, кто предлагал, быстро не стало, убили, еще нескольких посадили, но некоторые жили теперь так, что не подойти – они на другом уровне. Хм, как в сложной компьютерной игре, на выигрыш в которой можно потратить годы... Да, не согласившись пойти с ними, испытать те опасности, что ждали на пути к настоящему, теперь приближаться к победителям Елтышев не имел права. Нужно было или смириться со своей участью, или попробовать их догнать, а значит, стать их конкурентом, соперником. Правда, исчезли уже те возможности, какие были в начале девяностых, когда с нуля – горлом, кулаками, за бутылку коньяка – можно было завести свое дело. Открыть бизнес. Да и возраст... Пятьдесят все-таки.

Постепенно росло, обострялось раздражение. Раздражала съездившаяся от вещей и выросших сыновей, располневшей жены квартира; раздражало гудение газовой колонки, кото-

рой когда-то, после житья в бараке, так радовались; раздражала служба, однообразная, отупляющая, несмотря на все усилия, не приносящая нормальных денег; раздражали дорогие машины на улицах, нарядные витрины, пестрые людские ручки на тротуарах. И самое обыденное раздражало: каждый вечер, раздевшись, ложиться в кровать, зная, что уснет нескоро; еда раздражала, вся какая-то безвкусная, пресная, но которую необходимо запихивать в рот, разжевывая попорченными зубами, глотать; шнурки раздражали, выщербленная бетонная лестница в подъезде... «Вот так всё это и будет, – долбилося в мозгу чугунной гирькой, – так и будет». И иногда вдруг прокалывала боязливая, почти старческая мысль: «Лишь бы не хуже».

Но многие завидовали Николаю Михайловичу. После длинной очереди, нешуточной борьбы ему удалось получить должность, считавшуюся бластной: дежурный по вытрезвителю. И поначалу Елтышев радовался каждому дежурству – дежурил сутки через трое, – ожидал чего-то чудесного... Да нет, не «чего-то», а вполне реального пьяного вусмерть богатея с набитыми деньгами карманами.

Случаи такие, если верить вытрезвительским преданиям, бывали, и тогда дежурные сами в мгновение ока становились богатыми. А один за пару месяцев собрал таким образом себе на «тойоту»...

Елтышеву не то чтобы совершенно не везло, но приработок был неизменно мелким, оскорбительно убогим, и дежурство в основном уходило на пустую грязную возню с подзаборными алкашами. И в конце концов он потерял веру в счастливый случай, на дежурство шел через силу, с чувством обиды. Обиды, хоть и старался в этом не признаваться, на самого себя.

Та, как оказалось, последняя смена началась обыкновенно – к пяти часам вечера двадцать четвертого апреля две тысячи второго года выпавшийся, плотно пообедавший, но какой-то застарело усталый Елтышев вошел в дежурное помещение.

Вытрезвитель размещался в самом центре города, но со стороны был неприметен – так, одноэтажное серое зданье с маленькими пыльными окнами. Но знающие, что находится здесь, старались обходить его подальше, тем более если были подшофе. И только милиционеры, врачи и родственники попавшихся шли сюда прямой дорогой, открывали толстую деревянную дверь и на время исчезали в темном, душном, жутковатом мирке...

В дежурке по разные стороны стола сидели старлей Пахомин, у которого Елтышеву предстояло принять суточную вахту, и парень лет двадцати пяти. Парень съездившийся, словно замерзший, лицо кислое.

– Ты пойми, – негромко, но убедительно, веско говорил Пахомин, – что выйти отсюда ты можешь, только уплатив штраф. Э? Двести шестьдесят четыре рубля. Сто двадцать у тебя имеется при себе. Нужно еще... Э-э... Еще сто сорок четыре. Округляем – сто пятьдесят. Э?

Николая Михайловича раздражало это дебильноватое пахоминское «э», но и сам он – замечал за собой – в разговоре с такого рода клиентами то и дело употреблял нечто подобное. Чтобы понятней было.

– Ну я же говорил сколько раз, – замямлил парень, – у меня нету...

– Найди, – перебил Пахомин. – Займи. Есть родственники, знакомые. Мы тебя свозить даже можем. Э? Мы возим.

Парень подвигал плечами. Молчал.

– С-слушай, – Пахомин начал терять терпение, – у тебя ни паспорта нет, никаких документов. В курсе – э? – я тебя могу на трое суток оформить. До выяснения личности. Как?

Парень молчал.

Николай Михайлович приподнял руку, взглянул на часы. До начала дежурства оставалось двадцать минут. А еще надо дела принять.

– Слушай, Виталий, – обратился он к Пахомину нарочито небрежно, даже как-то с веселюшкой, – а вези его в отдел и оформляй на пятнашку. Чего нянчиться? Акт составите, что оказывал сопротивление, тут всю ночь колобродил...

Пахомин подхватил:

– Да, пускай пометет улицы, а лучше – сортиры попидорит. Я позабочусь. Э? – Захлопнул папку с квитанциями. – Давай поднимайся, – велел парню, – поехали в ГОВД. Там ночь перекантуешься, а завтра – суд.

– Ну, это, – парень испугался, – я же...

– Чего еще? – Старлей распалял себя. – Давай- давай.

– У меня тетка... У нее можно попробовать. Но она убьет.

– Кого это убьет? – показно насторожился Елтышев.

– Ну, меня. Что я здесь...

– И правильно. Пить надо меньше. А оплату услуг медвытрезвителя еще никто не отменял. Э? – Пахомин обернулся к курящему возле обезьянника сержанту. – Серег, свози уважаемого. Далёко тетка-то живет?

– Да нет, не очень. За автовокзалом там...

– И ладушки. Найдешь сто пятьдесят рублей – возвращаем вещи, и гуляй-отдыхай.

Сержант вывел парня. На улице завелся «уазик».

Пахомин изможденно отвалился на спинку стула, прикрыл глаза.

– О-ох-х...

– Как оно? – зная ответ, из приличия спросил Елтышев.

– Да хреново. Одна нищета опять... Спать хочу... Еще этого мутанта ждать.

Елтышев покивал.

– Давай дежурство пока приму.

– Дава-ай.

Спустились в подвал, где в основном и размещался вытрезвитель, заглянули в камеры-палаты, в туалет, раздевалку. Всё было в порядке. Поднялись обратно в дежурное помещение. Елтышев расписался в журнале.

– Что, накатим трофейной? – слегка повеселев, предложил Пахомин; выдвинул ящик стола. – «Московская» есть, «Колесо фортуны», «Земская». Э, какую?

– Без разницы... «Колесо».

Старлей достал бутылку, покрутил оценивающе.

– Да вроде нормал. И мужик приличный, с портфелем. Какой-то юбилей, говорит, отмечали, переборщил.

– Наливай.

Алколем Николай Михайлович не увлекался, в запой не уходил, но выпить граммов двести всегда был не против. Водка действовала на него благотворно – не одуряла, а словно что-то смывала внутри, какой-то ядовитый налет.

У Пахомина оказалась и закуска – запечатанная нарезка лосося, круг копченой колбасы, беляши в целлофановом пакетице, шоколад... Всё это имели при себе попавшие в вытрезвитель за минувшие сутки.

– Ну, за удачу.

– М-да, удача не помешает.

Чокнулись пластиковыми стаканчиками...

Без нескольких минут пять появились двое сержантов и врачиха, полная, угрюмая тетка с мужским лицом – те, с кем предстояло Елтышеву отработать предстоящие сутки.

В начале шестого вернулся с деньгами паренек, получил вещи, квитанцию и был отпущен.

– Ну, всё, – выдохнул Пахомин, сложив бутылки и еду в сумку. – Счастливо!

Николай Михайлович уселся за стол, огляделся, привыкая к помещению, стулу, обстановке.

Дежурка невелика, сумрачна, и несколько ламп не могут наполнить ее светом, жизнью... Стены шершавые, окрашенные в бледно-зеленый цвет; два окна, зарешеченные, заросшие пылью, кажутся черными провалами. Вдоль стен – скамейки без спинок, слева от входа – узкий обезьянник для буйных задержанных; стол стоит напротив входа, и почти за спиной Николая Михайловича – лестница. Скоро по ней поволокут пьяных, и снизу будут лететь крики, рычание блюющих и матерящихся алкашей. «Ох, как всё надоело», – поморщился Елтышев.

Рядом с ним устроилась врачиха в белом, но застиранном до серости халате, открыла термос и чашку, налила кофе... Она никогда не пользовалась казенной посудой, электрочайником – всё приносила из дому. «Брезгуй, брезгуй». И Николаю Михайловичу представилось, что она вдруг заболевает какой-нибудь кожной болезнью. Сыпь, раздражение, гнойники...

Он выдвинул ящик, где лежала оставленная Пахоминым ополовиненная бутылка «Колеса фортуны», стаканчики, шоколадка. Позвал сержантов:

– Что, орлы, перед работой по капле? За хорошую клиентуру...

Часов до десяти вечера было спокойно и скучно. Дэпээсники и пэпээсники, конечно, доставляли задержанных, но по одному, изредка. Все пьяные были немолодые, как назло, безденежные. Падали на стул перед столом, за которым сидели Николай Михайлович и врачиха, тупо мычали, вяло доказывали, что почти трезвы.

Сержанты обшаривали их карманы, снимали с запястья, у кого были, часы. Елтышев производил опись вещей, составлял акт, врачиха давала медицинское заключение.

Потом сержанты вели их вниз. Заставляли раздеться, выдавали одеяла, запирали в камерах-палатах. Возвращались в дежурку, курили, зевали.

А после десяти стало повеселей. То и дело к дверям подъезжали «уазики» и «жигули», в дежурку вводили или втаскивали клиентов. Двое-трое были в полном отрубе и при деньгах. Хоть и небольших, но все же. Радуюсь, что их не обобрали при задержании, Елтышев делал опись. Вместо «3320 рублей» у одного записал «1320 рублей», у другого вместо «2598 рублей» – «598 рублей». Мысленно получившиеся четыре тысячи поделил среди своих: по тысяче пятьсот им с врачихой, по пятьсот – сержантам.

Около двенадцати привезли сразу шестерых. Молодые парни, ершистые; пьяные, конечно, но больше – возмущенные задержанием. Одному даже руку пришлось заломить.

– У «Летучей мыши» взяли, – объяснил дэпээсник. – Там концерт сегодня, бухих будет до жопы.

– Вези-вези, – покивал Николай Михайлович. – Всем место найдем...

С парнями пришлось повозиться. Признать свое алкогольное опьянение они отказывались, то предлагали договориться, то начинали угрожать и хамить; тот, кому заламывали руку, утверждал, что он журналист.

– Ну-ка, журналист, – не выдержала обычно молчаливая врачиха, – присядь десять раз.

– Что?! Я вам кролик подопытный, что ли?

– Тогда оформляем, – врачиха взяла ручку. – Фамилия-имя-отчество?

– Да с какой стати?!

– С такой. У тебя налицо вторая степень. Давай-давай документы.

Назвавшийся журналистом блядькнул и стал приседать. Его повело, завалился набок. Врачиха усмехнулась:

– Ну вот, а говоришь – нормальный.

– Да я устал просто!..

С горем пополам удалось обработать парней и спустить вниз. Денег при них оказалось в общей сложности тысяч пять, но забирать часть Елтышев опасался – все-таки не настолько пьяные. Еще начнут ходить куда-нибудь, заявы катать.

– Ох, жарко-то как, – выдохнула врачиха и достала из пакета бутылку с водой. – Лето совсем, а они всё отопление...

– На следующей неделе опять похолодание обещают, – без охоты ответил Николай Михайлович.

С этой врачихой они дежурили довольно часто, но, бывало, за сутки не обменивались и десятком фраз. Сидели за одним столом, а как бы и порознь, каждый выполняя свою работу. В конце смены делили деньги, расходились... Когда Елтышев наткнулся взглядом на огромное ее лицо, на толстые руки, его окатывало отвращение, и он с жалостью представлял мужа врачихи. На безымянном пальце врачихи, почти заросшее кожей, желтело обручальное кольцо... Как он с ней такой, бедолага...

Но тут же вспоминалась его собственная жена – тоже полная, тоже с окаменело-угрюмым выражением на лице. «А ведь такой девчонкой была...» Когда была?.. Лет тридцать назад. А потом потекло, потекло, и нечего вспомнить, нечему удивляться... И не поймешь, когда вместо девчонки, от которой не отлипал, рядом оказалось привычное, необходимое, но неинтересное существо. Жена.

Подвозили новых, новых. Грязных и чистеньких, невменяемых и на вид почти трезвых, агрессивных и тихих; ячейки в сейфе заполнялись разным карманным барахлишком, в основном убогим и бесполезным. Денежных клиентов всё не было – так, мелочь, мелочь. Николай Михайлович сидел за столом, на своей половине, то и дело возвращаясь к подсчетам, сколько удалось уже за сегодня наварить, мечтал о приятном сюрпризе. Иногда подходил к двери на улицу, без аппетита курил горьковатую «Яву», без аппетита жевал остывшие домашние пирожки с картошкой. Пару раз глотал по полстаканчика водки, чтоб взбодриться. Поглядывал на часы.

Время тянулось изматывающе медленно, а около двух ночи, когда поток задержанных прекратился, почти остановилось. Теперь если и привезут кого, то уж точно подзаборника-обоссанца, вонючего бичару. Ловить больше нечего.

Врачиха достала книжку в мягкой обложке, посапывая от удовольствия, стала читать; сержанты сняли с сейфа нарды. Хм, у каждого занятие, а он что, Николай Михайлович Елтышев?..

Он не имел особенных увлечений, жил как-то всё по обязанности, а не для души. После седьмого класса пошел учиться на слесаря, потом два года работал на вагоностроительном заводе. Конечно, выпивали с ребятами, ходили на танцы; двое его сверстников занимались в самодеятельности и как-то неожиданно и легко поступили в училище культуры, еще один пошел по комсомольской линии, еще один занимался борьбой, стал мастером спорта, на соревнованиях ездил. Елтышев же нормально работал, обыкновенно отдыхал, в девятнадцать ушел в армию, после нее, когда увольнялся, предложили пойти в милицию. Он согласился. И вот к пятидесяти годам – капитан. Майор если и светит, то только накануне пенсии... Такая линия жизни.

Правда, и те – артисты, спортсмен, комсомолец – исчезли из виду, потерялись, никто не стал заметным человеком. Но они пожили, наверно, какое-то время интересно и ярко.

Были и у Елтышева шансы, были. Но – прозевал, отказался, слишком долго думал. Да и семья держала, двое пацанов. За них боялся и не лез в пекло. А выросли... Старший никуда не поступил, увальнем стал, в двадцать пять – ребенок ребенком, а младший... С младшим вообще беда: в драке бахнул одного в лоб кулаком и сделал клоуном. Теперь этот – инвалид, а сын – на пять лет в колонии.

Знал Николай Михайлович, что шепчутся об этом соседи, знакомые: сам, мол, мент, а сын сидит, – ловил иногда усмешливые взгляды и на работе, но сдерживался, старался не замечать, не принимать близко к сердцу. Иначе, боялся, тоже кому-нибудь перелобанит.

В юности он не выделялся силой и мощью – может, оттого, что жила их семья бедно, ели плохо. Но годам к тридцати пяти заматерел, ощутил что-то в себе стальное; валун себе напоминал, который, если столкнуть, всё на своем пути в лепешку раздавит. И сослуживцы, когда собирались в спортзале тренажеры помучить, удивлялись: «Здоров ты, Николай Михалыч! Штангой по юности не занимался?» А он отшучивался: «Борьбой занимался без правил».

Около четырех внизу стали покрикивать. Сначала в туалет просились, и сержанты сводили нескольких. Потом появились просьбы дать воды, домой позвонить, выпустить. Шумела в основном компания, которую привезли от клуба «Летучая мышь».

Когда крики переросли в колочение в дверь и скандирование: «Во-ды! Во-ды!.. До-мой! До-мой!» – Елтышев не выдержал:

– Давайте их успокоим.

Втроем – он и сержанты – спустились.

– Кто тут домой захотел? – спросил Николай Михайлович, остановившись в центре коридора.

– Я! Я! – сразу из нескольких камер.

– Добро. Выводи, Ионов.

Сержант Ионов, звеня ключами на большом кольце, открывал двери, желающие выходили в коридор, и их отводили в крошечную – метра четыре квадратных – комнатку с большой батареей-змеевиком, прутьями под потолком (сушилка, что ли, когда-то была). В ней техника держала швабры и ведра, мешок с хлоркой, а иногда там запирали наиболее буйных – потенциальных пятнадцатисуточников. Но сегодня, то ли от собственных невеселых размышлений, то ли от того, что недовольных оказалось так много, Елтышев набил комнатку под завязку. Четырнадцать человек – всех, кто требовал выпустить.

– Постойте, подумайте, – сказал и захлопнул дверь; поднялся в дежурное помещение, снял фуражку, вытер платком пот со лба.

– Ох, жара-то какая, – заметила его движение врачаха. – Надо на дачу ехать, вишни, сливы распаковывать. Не дай бог созреют.

Елтышев неприязненно мыкнул, сел за стол. Дачи у него не было; несколько раз собиравшись взять участок, но начинал раздумывать, подсчитывать – придется доски покупать на забор, домишко какой-нибудь строить, чернозем завозить, – и оставлял эту затею. А теперь жалел, конечно, но поздно – теперь задарма земли нет, каждая сотка какие-то огромные тысячи стоит...

С полчаса внизу было относительно тихо (похмельные стоны, хриплые матерки не в счет), а потом в дверь комнатки задолбили:

– Дышать нечем! Откройте, ур-роды!

Удары усиливались; Елтышев не выдержал:

– Ионов, прысни им там перцу через скважину. Что-то вообще охренели сегодня.

Сержант ушел. Крики на минуту смолкли – набитые в комнатку, наверное, надеялись, что их сейчас выпустят, – и возобновились, но уже в несколько раз сильнее, переросли в выворачивающий кашель, вой. Когда вой сменился совсем уж нечеловеческими звуками, врачаха оторвалась от чтения:

– Да что там происходит?!

– Пуска-ай, – поморщился Николай Михайлович, – может, вести себя научатся...

Еще минут через десять по настоянию врачахи дверь открыли.

Из комнатухи вырвалась волна отравленного горячего воздуха; врачиха, поперхнувшись, отшатнулась. На полу, один на другом, корчились недавние недовольные.

Глава вторая

В последнее время Валентина Викторовна часто стала задумываться о прошлом. Воспоминания накатывали неожиданно, как приступ болезни, придавливали, лишали сил. И приходилось бросать дело, каким занималась, садиться и на несколько минут покоряться этому приступу – думать о прошлом, по новой переживать моменты жизни, словно от уколов вздрагивать от мыслей: здесь бы подправить, здесь изменить... Полвека позади. В общем-то, вся женская жизнь. Впереди – старость.

Когда-то, девчонкой, она представляла старость как счастливое время, желанный отдых. Она видела степенных стариков и старух, достойно, умно, полезно проживших и теперь отдыхающих. Раз в месяц почтальоны приносят им пенсии, и старики, неспешно нацепив очки, тщательно, уважительно расписываются в ведомости. Взрослые сыновья и дочери приводят им внучат, и старики учат их тому, чему могут научить только они, узнавшие все тайны жизни. Они никуда не торопятся, они по-особенному чувствуют солнце, видят красоту листьев, по-особенному вдыхают воздух...

Но то ли это было ее детскими фантазиями, то ли старость теперь стала другой – Валентина Викторовна не чувствовала скорого покоя. Наоборот, жизнь требовала отдавать себе сил всё больше и больше, спешить, торопиться, решать бесконечные проблемы, переносить беды одну за другой. И вот уж совсем катастрофа – предстоящий переезд. Переезд неизвестно куда.

Сегодня путь с работы давался особенно тяжело. Ноги не шли, всё вокруг – люди, светофоры, машины, дома – казалось враждебным, готовым накинуться и задавить или, слюняво взвизгнув, начать совать ей в глаза ту газету... И город, в котором прожила в общей сложности тридцать два года, давно считала родным, тоже был враждебен, был уже не ее, чужим.

Пройдя несколько десятков метров, Валентина Викторовна чувствовала слабость, понимала, что вот-вот упадет, искала скамейку, скорее садилась, крепко обнимала пальцами деревянные рейки, сжимала веки, прячась от бегающих перед глазами красных точек... Давление, что ли... Сидеть было лучше, но тут же опутывали, стягивали паутины-воспоминания.

Как приехала сюда в шестьдесят пятом учиться. На кого, тогда не решила – хотелось одного: вырваться из маленькой, темной их деревушки. Но и город, в котором до того была два раза, очень быстро разонравился: почти сплошь одноэтажный, пыльный и тоже темный (старые срубы, ограды, деревянные тротуары), переполненный такими же, как и она, вчерашними колхозниками. И все они куда-то спешили, неумело, толкаясь; ревели грузовики, за заборами рыли котлованы...

Валентина Викторовна поступила в педучилище на учителя русского языка и литературы. Поселили в бараке-общежитии, в комнате с еще тремя девушками. Очень было неудобно, стыдно находиться всегда на людях.

Но в педучилище проучилась она всего полтора месяца. В октябре из крайцентра приехала комиссия набирать группу в библиотечный техникум. Валентина Викторовна вызвалась одной из первых – не из интереса к библиотечному делу: казалось, что там будет лучше. Проща.

Теперь, задним умом, она была уверена, что тогда совершила первую большую ошибку в жизни. Лучше бы осталась в педучилище, закончила его и вернулась домой, стала бы учительствовать в родной школе... Хотя скажи ей это тогда, в пятнадцать лет...

Крайцентр ее поразил. Это был действительно город – с проспектами, скверами, трамваями, огромным театром. Валентине Викторовне и не мечталось поселиться там, в одной из квартир одного из десятков каменных семиэтажных домов с полукруглыми окнами. А наверное, надо было бы помечтать и попробовать.

Пытались за ней ухаживать местные ребята, она же, напуганная рассказами подруг, имена которых давно забылись, про «поматросят и бросят», про аборт, сразу эти ухаживания пресекала. Даже не танцевала ни с кем.

По пути в деревню на каникулы она проезжала тот городок, где недолго училась в педучилище. Видела, что и он превращается в настоящий город – из котлованов поднимались невысокие, в четыре этажа, но благоустроенные дома, улицы закатывались асфальтом, появлялись газоны, бетонные столбы с фонарями. На окраине запускали вагоностроительный завод, и бывшие деревенские жители шли в рабочие.

Этот городок стал нравиться Валентине Викторовне, и, когда после окончания техникума ей предложили место в центральной библиотеке, только что отстроенной, с новенькими стеллажами и свежими книгами, просторным читальным залом, она согласилась.

Дали комнату в общежитии, работа была несложной. Во время учебы всё казалось труднее и непонятнее...

В центральной библиотеке Валентина Викторовна работала до сих пор. Когда-то по дороге от нее к общежитию встретила молодого сержанта милиции, за которого, после полугода дружбы, вышла замуж. Отсюда, была уверена, в пятьдесят пять лет ее торжественно проведут на пенсию.

Но оказалось, придется уволиться раньше времени, уйти в неизвестность. Невозможно стало ловить враждебные взгляды сослуживцев, посетителей, каждый из которых знал о ее муже...

«Уголовное дело, – долбились в голове, – уголовное дело». Сколько сил, нервов, сколько денег потрачено, когда сына судили, а вот через два года то же самое – с Николаем. И если в первом случае ей в основном сочувствовали – мало ли драк между парнями происходит, и сын не ножом ведь, не заточкой врага своего, а голым кулаком, – то теперь наоборот.

А что Николаю делать было? Эти буянили, вырывались, другим трезветь мешали, вот он и запер в изолятор. И как просчитаешь, на сколько кислорода хватит, как оно всё получится. Разве ж он знал, что так – у пятерых отек легких, в реанимацию пришлось класть, еле откачали. И, может быть, все бы замять удалось, извинились бы, как-нибудь договорились, но в городской газете статья появилась. Тут уж пошло-поехало.

Известно же, как журналисты милицию ненавидят, а среди пострадавших оказался их коллега. Вот и раздули...

Много чего могла бы Валентина Викторовна сказать следователям, кажется, способна была объяснить, убедить, что ее муж не виноват, – но ее не спрашивали. Даже Николай запрещал об этом случае вспоминать – сразу беленился. А как не вспоминать, не говорить, если всё теперь вокруг этого крутится? Что, успокаивать себя, что не посадили, а дали условно четыре года? Но все равно ведь – жизнь рухнула, и нужно теперь из-под обломков выбирать, как-то восстанавливать, налаживать.

А ведь могло же, могло всё по-другому сложиться. Останься она в крайцентре, выйди замуж за одного из тех интеллигентных, тонких юношей, которые пугали этими своими тонкостью и интеллигентностью, принимаемыми ею за подловатость. И жила бы теперь в миллионном городе, стала бы, не исключено, заведующей библиотекой, огромной, светлой. Или нигде бы не работала, заботилась о доме, о муже, каком-нибудь директоре завода; дети бы институты уже окончили, тоже бы... Нет, лучше тогда было вернуться в деревню, учить детишек. Надежная изба на высоком фундаменте, огород, корова...

Давно она не была на родине, и деревенская жизнь представлялась как нечто светлое, единственно правильное. Да и к кому туда ехать? Дом после смерти родителей продали, деньги разделили между собой дети, все уже давно жившие в городах. Никого там родни не осталось, только тетка Таня – старшая сестра матери, пережившая и мужа своего, и всех трех детей.

Но, может, и ее уже нет – лет за восемьдесят ей далеко... Надо бы, по-хорошему, съездить, поглядеть, только как сейчас... Ох, господи...

Их четырехэтажный дом, один из первых построенных в городе многоквартирных, сегодня показался Валентине Викторовне убогим, покосившимся, особенно обшарпанным. Наверное, самозащита так работала – ведь очень скоро этот дом будет для нее и ее семьи чужим, им тут скоро не жить.

Во дворе она снова присела, отдышалась – состояние такое, словно взобралась на высокий холм. Глянула по сторонам. Напротив – еще одна такая же четырехэтажка: мутные стекла, балконы забиты старой мебелью, какими-то досками, расползшимися коробками. Во дворе – детская площадка с песочницей, деревянной поломанной горкой, качелями, которые пронзительно скрипели, если на них качались; заросшая полынью хоккейная коробка, на растянутых меж тополями веревках сушится сероватое, застиранное белье... Безрадостная, конечно, картина, даже золото сентябрьских листьев не особенно ее украшает, но ведь столько здесь прожито... Здесь сыновья ее выросли...

Через силу, тяжелым рывком поднялась. Нужно идти. Ужин готовить. И – разговор предстоит. Сегодня Николай с начальником ГУВД Вересовым должен встретиться; сегодня должно стать ясно: или все-таки в пропасть их семья полетит, или есть еще шанс удержаться.

Сама открыла ключом дверь, вошла. В большой комнате бубнил телевизор, в ванной шипел душ. Но, несмотря на живые звуки, атмосфера тревожная, гнетущая. «Будто покойник в доме», – вспомнилась Валентине Викторовне поговорка, и она тут же себя обругала, испуганно-просяще добавила: «Не дай бог, не дай бог».

Хотела поздороваться – объявить о своем приходе, как делала обычно, – но не стала. Молча сняла сапоги, повесила на вешалку пальто.

Николай сидел в кресле. На экране телевизора скакали полуголые худые девицы, наперебой пели слабыми голосками:

Отмени мой домашний арест,
Отмени мой аре-ест!

Сострадание к мужу тут же сменилось раздражением, негодованием даже. И Валентина Викторовна жестко спросила:

– Ну что?

– Что? – Николай как-то пугливо взглянул на нее, взял с журнального столика пульт, сделал звук телевизора тише.

– Поговорил с Вересовым?

– Поговорил.

И, поняв, что ждать хорошего нечего, Валентина Викторовна все же задала новый вопрос:

– И как?

– Как... Хреново. Всё. – Николай, кряхтя, пошевелился в кресле. – В течение месяца освободить площадь... Вересов сам на иголках – сплошные проверки, начальник службы собственной безопасности новый, из края поставили...

Он еще говорил, говорил что-то бесцветно и виновато, тоном объясняющего, где загулял вчера, муженька, но Валентина Викторовна не слушала – в мозгу засела и повторялась одна фраза: «В течение месяца освободить...» Это значит – выселяться со всеми вещами, горшками, телевизором этим несчастным (взяла пульт и выключила его вовсе), с диваном огромным, скрипучим, с книгами, которые давно никто не читает. Взять и оказаться на улице.

– И, – перебила мужа, – и как теперь?

Он вспылил:

– А я знаю как?! Как! Извиняюсь, мало денег с алкашни собирал, не хватает нам на квартиру.

Валентина Викторовна села на диван, пружины с писклявым стоном сжались. Муж же, наоборот, вскочил, заметался по небольшому свободному пространству комнаты:

– Тридцать лет проработал! Улицы эти топтал пэпээсником! И вот... Сволочи!

– погоди, – пересилив страх перед его криками, остановила Валентина Викторовна; муж кричал подобное за последние месяцы не раз и не два. Пора было искать какой-то выход. – погоди, давай решать.

– Чего тут решать?! В петлю башкой...

– Пре-кра-ти!

Появился сын. Мокрый, голый, с намотанным на бедра полотенцем. Хмуро взглянул на родителей, пошлепал к себе.

– Артем, – окликнула Валентина Викторовна, – подойди сюда.

– Что? – он остановился, но не обернулся.

– Подойди, я говорю!

Подошел. Высокий, крепкий, с волосатой грудью молодой мужчина, а глаза – детские, насуспенного ребенка...

– Так, Николай, – Валентина Викторовна почувствовала небывалую решимость, – Николай, присядь. Так, давайте решать... Семейный совет.

Сын хмыкнул.

– Ну-ка! Сядь тоже быстро! Нас со дня на день на улицу вышвырнут, а он хмыкает...

Так. – Постаралась успокоиться. – Так, какие у нас варианты? Во-первых, можно снять квартиру...

– Двухкомнатка – пять тысяч за месяц, – вставил сын.

– Откуда ты знаешь? – Зарплата Валентины Викторовны была четыре семьсот.

– Ну, спрашивал.

– Дом тогда, может...

– И что? – подал голос муж. – Ну, снимем, год проживем, два... Нам с тобой недолго осталось, а они, – кивнул на сына, – Денис вернется.

Валентина Викторовна хотела сказать, что надо об этом было заранее думать, что эта квартира – ведомственная, не их, и такое рано или поздно случилось бы. Не стала, боясь нового взрыва... И тут, как светом блеснуло в голове, нашелся выход.

– Тогда, может быть, так: в деревню? Сорок километров отсюда.

– В эту, – поморщил лоб Николай, – в твою? – Сам он был местный, городской, но давно растерял родню, а тот барак, в котором провел детство, снесли еще в семидесятых.

– А куда еще? Там тетка, жива, наверно... Изба у нее.

При слове «изба» Артем опять чуть было не хмыкнул. Валентина Викторовна заметила:

– А что?! Что еще? Вот работал бы, учился... Двадцать пять лет мужику, а всё как этот...

– Но ты-то работаешь, – перебил муж. – Оттуда, что ли, мотаться каждое утро?

– Уволюсь. Не могу больше видеть их... Я ведь тоже не железная, чтобы так... Сама как убийца себя чувствую.

Николай кряхтнул и отвернулся.

Некоторое время молчали. Сын ежился, мерз, но, видимо, понимал, что взять и пойти сейчас одеваться – опасно. Разорутся, что ему все равно. Нужно дотерпеть.

– Ну, – первой заговорила Валентина Викторовна, – как?.. Завтра возьму отгул, съезжу. Может... Может, и ничего там нет уже... А? – Посмотрела на мужа, на сына. – Как-то ведь надо... А? – Они молчали, и Валентина Викторовна опять стала терять терпение, в горле заклокотал крик. – Куда-то ведь надо деваться нам, в конце-то концов!

Сошлись на ее варианте. Муж – обреченно; сын, казалось, – равнодушно.

Валентина Викторовна переделалась в халат, пошла на кухню. Готовить ужин. Достала из-под морозильника размороженный кусок свинины, поставила воду для рожек. Выбрала из корзинки луковицу... Движения были четкие, заученные десятилетиями повторений, но стоило взглянуть на какую-нибудь вещь – на кухонный шкаф, на давно уже не используемую ручную соковыжималку, на форму для торта – и руки опускались. Каждая вещь словно кричала, вопила жалобно и настойчиво: «Возьми меня! Не выбрасывай! Я пригожусь!» И представлялись скорые неотвратимые часы, когда нужно будет упаковывать, сортировать, вытаскивать мебель, куда-то ее грузить... Валентина Викторовна боролась с желанием бросить нож, сесть на табуретку, зажмуриться. Не быть.

Вошел Николай, постоял, необычно для него нерешительно переминаясь с ноги на ногу, потом предложил:

– Может, я это... за бутылкой схожу... Что-то трясет прямо... Напряжение снять.

Валентина Викторовна кивнула:

– Сходи. Только получше купи какую. – Ей тоже хотелось немного выпить.

Глава третья

Деревня называлась Мураново, по протекающей рядом речке Муранке. Когда-то это было село – на холмике стояла церковь, которую в шестидесятых снесли, и поставили на ее месте похожий на амбар клуб.

Главной улицей в Муранове была дорога в дальнюю деревню Тигрицкое. Дорога была асфальтовой, но асфальт давно разбила совхозная техника, и его не ремонтировали. Шофер, когда подгонял свой «зилек» к дому, изматерился, тщетно пытаясь объехать ямы и рытвины, а Валентина болезненно морщилась, представляя, как колотится в контейнере посуда, техника.

Изба тетки Татьяны находилась в самом центре деревни: справа через три двора – контора с почтой, еще через двор – магазины, из которых работал только один; остальные же два наглухо, с давних пор заперты. Слева от избы тетки была двухэтажная школа, самое старое в деревне здание, а почти напротив – клуб и водонапорная башня.

В последний месяц Николай Михайлович несколько раз сюда приезжал – привозил кой-какие вещи, сдавал документы на прописку, слегка подремонтировал комнату, где предстояло жить, – вроде бы немного свыкся с мыслью, что это теперь их дом, но каждый раз теткина изба вызвала у него нечто похожее на ужас. Ужас перед тем, как перезимуют в ней, сколько предстоит сделать за лето, чтобы следующую зиму встретить в более-менее человеческих условиях.

Николай Михайлович приезжал сюда на автобусе – машина, по закону подлости, была серьезно сломана, – ни с кем из местных старался не заговаривать, поменьше общаться с хозяйкой. Она, маленькая, ссохшаяся, в основном сидела на табуретке возле непомерно большой для такого домишки, закопченной полосами печи, смотрела в пол выцветшими, стянутыми морщинами глазами... Поначалу, обнаружив во дворе гниловатую, хотя пригодную на первое время доску, Елтышев обращался к тетке Татьяне: можно ли использовать. Она тяжело взмахивала рукой-сучком, вздыхала: «Бери-и. Мне-то она на что уж...» И вскоре он перестал ее спрашивать, почти не замечал.

Утепляя пол, потолок, вынося из комнаты развалившийся стол (его место должна была занять часть стенки из квартиры), Николай Михайлович не верил, да и не желал верить, что теперь это дом для его семьи. Теперь им в этом покривившемся срубе жить, и, может быть, отсюда их с женой когда-нибудь понесут на кладбище.

Но был нанят «ЗИЛ», контейнер заполнен тем, что составляло обстановку двухкомнатной квартиры, ненужные вещи оказались на мусорке, и водитель торопил ехать.

Когда в последний раз обходили пустые, посветлевшие комнаты, жена взвыла, как на похоронах, повалилась; Николай Михайлович подхватил ее, быстро и грубо вывел. На площадке отдал ключ начхозу ГУВД. Подсадил Валентину в кабину, сказал сыну, что ждут его в деревне – Артем должен был добираться автобусом, – оглянулся на дверь подъезда, бросил тело внутрь «ЗИЛа». Захлопнул дверцу, велел скорее не водителю, а себе:

– Всё, поехали!

Только стали с женой разгружать контейнер, заморосил дождь. Мелкий, но, кажется, затяжной, октябрьский.

– Как назло, – ругнулся Николай Михайлович и торопливо, бережно, но и словно на свалку, понес в избу дорогую, не так давно купленную стеклянную тумбочку.

Шофер помогать не вызывался, покурил, слушал магнитофон («Ну где же ручки? – пело в кабине. – Ну где же наши ручки?...»), иногда заглядывал в контейнер и досадливо кривился – убывало медленно.

Тетка стояла на низком крыльце, скорбно наблюдала, как носят вещи; она попыталась было принять участие, но не смогла дойти до ворот...

Несмотря на середину буднего дня, улица была пуста, но Николаю Михайловичу казалось, что из всех окон, из-за всех заборов за ними наблюдают, следят любопытные... И вот один не выдержал – появился, подошел.

– Здоровенько. – Высокий, сухой, с запущенной, почти ставшей уже бородой, щетиной; на голове – черно-рыжий комок зимней шапки. – С приездом.

– Спасибо. – Елтышеву было не до разговоров. Вытянул из контейнера мешок с одеждой, понес.

Комната быстро заполнялась вещами; Николай Михайлович сунулся в летнюю кухню. «Придется сюда».

– Чего, – местный ждал у машины, – помочь, может? А то, гляжу...

– Ну помогите. – Елтышеву предстоял холодильник.

Мужик оказался слабым, больше кряхтел, стонал, чем таскал. И постоянно комментировал:

– В-во, табуреточки! У меня такие ж почти... Добрая полка... Люстра на семь лампочек...

Николаю Михайловичу казалось, что он на аукционе, где распродают его пожитки...

Но дело все-таки пошло побыстрее, и приехавший в половине второго Артем застал контейнер почти пустым. Отнес одно, другое – и всё.

– Ну во-от, – облегченно, будто потрудился больше других, выдохнул водитель; свел стальные створки, лязгнув засовом. Выжидающе посмотрел на Николая Михайловича.

– А, да, – тот понял, достал бумажник, выбрал две сотни. – Держи. – За перевозку он уже заплатил в агентстве, но нужно было отблагодарить лично и шофера – что не капал на нервы, не мешал, довез, в конце концов, без неприятностей.

– Благодарю. – Шофер еще раз выдохнул, прыгнул за руль и, перед тем как захлопнуть дверцу, пожелал: – Счастливо вам!

Елтышев кивнул. Щелкнуло зажигание, тыркнул трамблер, и мотор завелся; из выхлопной трубы вырвался синеватый столб дыма. И когда «ЗИЛ» тронулся, медленно, но безвозвратно разрывая последнюю нить с прошлой жизнью, снова похоронно завывала жена.

– Да перестань ты! – вспыхнул Николай Михайлович. – И без тебя!.. – И почувствовал желание встряхнуть ее... Тоже взвыть.

Сдержался, вцепился взглядом в коричневый прямоугольник контейнера, который становился меньше, мельче; дорога пошла под гору, и вот контейнер исчез. Но еще долго все трое Елтышевых – муж, жена и их сын – стояли у раскрытых черных ворот и смотрели в ту сторону, куда уехал «ЗИЛ». В сторону города.

– Чего, – подал голос местный, – может, это, за новоселье?.. Меня Юрка звать. Я тебя, Валентина-то, помню. Помню, как приезжала.

Валентина Викторовна оглянулась на него, взгляделась, но не узнала. Тот вроде как обиделся:

– Юрка я, Карпов. Дядя у меня был, Саня, Карпов тоже. Вы с им в одном классе...

– Да, да, – покивала Валентина Викторовна, но без эмоций, думая о чем-то другом.

– Ну так чего, отметим?

– Надо, – встряхнулся, оторвался от дороги Елтышев, достал полтинник. – Хватит? Еда у нас есть.

Юрка принял бумажку, покрутил, будто убеждаясь, что она настоящая. Кивнул, почти побежал по улице.

«Магазин, кажется, в другой стороне», – удивился Николай Михайлович и тут же переключил внимание на другое – сказал сыну:

– Закрывай ворота.

Наблюдая, как Артем толкает обвисшие, хлипкие створки, добавил с горьковатой шутливостью:

– Давай приучайся.

Сидели за большим дощатым столом на кухне, ждали Юрку. Жена разогревала на плитке приготовленную утром в квартире тушеную картошку с мясом. Тетка Татьяна покачивалась на табуретке, что-то тихо-тихо наборматовала, словно ругалась на себя, что пустила чужих и теперь приходится так ютиться, в уголке.

Пахло сопревшей пылью, старостью, лекарствами. Бугристая штукатурка на стенах, казалось, вот-вот начнет отваливаться кусками, потолочная балка не выдержит и переломится, и весь дом превратится в горку сухой извести, истлевшей пакли, черных, будто обгоревших бревешек. И Николая Михайловича до зуда в скулах потянуло вскочить, выбежать прочь, спрятаться в безопасности, и в то же время хотелось засучить рукава, начать строить новый просторный дом с отдельной для себя комнатой на втором этаже. Для отдыха...

Обитая одеялом дверь со скрипом и хрустом открылась, вошел, пригнув голову, Юрка. На лице – улыбка, в руках – бутылка. Почему-то без этикетки.

– Заждались? – Поставил бутылку на край печной плиты, снял шапку, ударил ею по колену, отчего по кухне сыпанули капли. – Счас, за новосельице...

– А ты-то чего... – тихо удивилась тетка Татьяна, но не договорила, закачалась снова.

Николай Михайлович коротко, бодровато, как бывало дома после смены, выдохнул, велел жене:

– Давай, мать, накладывай. – А сам выставил в рядок толстенькие, в форме сапожка стопки.

Подсевший за стол Юрка без церемоний зубами выдернул из бутылки пластмассовую пробку (таких пробок Николай Михайлович не видел уже несколько лет), стал разливать.

– Поработали, – приговаривал, – можно и расслабиться мала-мала... Мо-ожно...

Из стопок сильно запахло водкой; Елтышев с подозрением следил за деятельностью Юрки – бутылка без этикетки, едковатый запах ему не нравились. Но пока что молчал, ждал... Артем притулился с краю стола, позевывал, брезгливо озирался.

Валентина Викторовна поставила на центр глубокую тарелку с картошкой.

– В-во-о! – обрадовался Юрка. – Горяченькое. Ну, вздрогнем. – Подхватил стопку.

– Теть, – позвала Валентина Викторовна, – исть будешь?

Та неопределенно пошевелила рукой.

«„Исть“, – усмехнулся про себя Елтышев. – Быстро на деревенский переходим».

Юрка торопил:

– Ну, пьем, нет?

Чокнулись вяловато, безрадостно. Николай Михайлович осторожно отпил. Рот обожгло; вкус был ядовитый, через водку отдавало то ли керосином, то ли растворителем.

– Что... Что это вы притащили? Это пить нельзя.

Жена, сын испуганно поставили стопки. А Юрка, ухнув, быстро закусил, мотнул, словно после удара, головой и тогда уж удивленно пожал плечами:

– А чего? Нормальный спиртович. Через резиновый шланг только пропущен, от этого так... Да пейте, не бойтесь. – И стал наливать себе по новой.

Елтышева затрясло, раздражение сегодняшнего дня готово было выплеснуться на этого гостя. Взять за шкирятник и вышвырнуть за порог.

– Нельзя было в магазине купить? – сдерживая себя, внешне почти спокойно спросил. – Я дал, кажется, достаточно...

– В магазине? Хе, да в магазине у нас водки с год уже нет. Пиво только.

– Почему нет?

– Да сертификат какой-то не получили... что-то такое там. – Юрка поднял стопку. – Да ладно, пейте, нормальный, говорю, спирт.

Неожиданно выпил Артем. Хыкнул придушенно, бросил в рот парящую картошину. Глянул на родителей, сказал как-то с вызовом:

– Не умрем, наверно.

«Наверно... – Николай Михайлович сжал стопку в ладони. – Наверно... Хрен с ним».

Глава четвертая

С детства еще, примерно лет с пяти Артем понял, что он не такой как все. Конечно, каждый чем-то отличается, но не очень, а он отличался очень. И ему это мешало. Мешало и в детском саду, и в школе, особенно в пятом – седьмом классах, когда необходимо быть активным, подвижным, готовым к драке, к защите своего «я». А Артем любил тихие занятия – в детском саду, куда ходил с плачем, чаще всего лепил из пластилина, катал в уголке машинки, в школе на переменах сторонился носящихся одноклассников; одно время чувствовал тягу к книгам, особенно к тем, где описывались путешествия, исследования дальних стран, но ни одну книгу от корки до корки не осилил – листал, выхватывая взглядом отдельные строки, даты, фамилии, рассматривал иллюстрации.

Родители, видя его тихость, иногда говорили с усмешкой: «Философ растет. Все думает». Но Артем как-то особенно ни о чем не думал, мало что замечал, запоминал. Каждый новый день встречал без радости, еще лежа в постели, представлял, сколько всего будет за этот день, в какой круговорот, только стоит подняться, он попадет, и подниматься не хотелось. Укрыться одеялом с головой, оставив лишь узкую щелочку, чтоб дышать, и лежать там, лежать в полудреме, покое... Вбегала мама и начинала тормошить: «Ты что лежишь-то?! Будильник ведь прозвенел!» А рядом прыгал брат и тоже донимал: «Вставай, Артя! Погнали в школу!»

Был бы он, Артем, каким-нибудь больным, низкорослым – наверное, было бы лучше. Понятнее ему самому, почему он такой. Но он рос здоровым, крепким, будто занимался физкультурой (а физкультуру он не любил больше всех других уроков), и в то же время каким-то... Однажды он услышал слово, поразившее его, – слово это сказали не в его адрес, но с тех пор Артем часто мысленно повторял, обращая его к себе: «Недоделанный». Обидное, но точное слово...

Лет в четырнадцать его стало всерьез пугать, что он ничем не интересуется, нет у него каких-то увлечений. Пробовал ходить в кружки – в авиамodelный, на бокс (руководитель говорил, что у него есть данные, правда, очень слабая реакция), на шахматы, к филателистам, но быстро бросал – неинтересно. На шестнадцатилетие ему подарили гитару и самоучитель. Артем зажегся, стал разбирать аккорды, пробовал копировать мелодии известных песен. Дело шло медленно, туго, и вскоре Артем забросил гитару, зато брат, казалось бы, случайно взяв ее в руки, сносно заиграл модную тогда песню группы «Кино» «Звезда по имени Солнце».

Вообще, Денис, хоть и был на два года младше Артема, постоянно его обгонял. Почти во всем. Первым научился ездить на двухколесном велосипеде, первым закурил, первым, когда Артем только почувствовал в этом потребность, поцеловался с девушкой.

Даже два года в армии его не переделали. Со службой (к которой родители отнеслись странно спокойно, вроде бы даже были ей рады) ему повезло – оставили в своей области и после учебки отправили на локационную станцию, откуда Артем видел родной город. Увольнения давали часто, и два в месяц его проводывали то родители, то Денис с приятелями.

В ту же осень, когда Артем вернулся, призвали брата. Определили в десант, служил далеко, в отпуск не приезжал. Родители извелись, каждый день ждали писем, смотрели страшные выпуски новостей – как раз тогда началась Вторая чеченская... На войну Денис не попал, но вид приобрел бывалого парня – ходил с перевальцем, долго после дембеля носил форму, хищно посапывал перебитым носом, всегда был настроен подраться, собирался наняться то в Иностраный легион, то в спецназ. Родители хоть и продолжали за него тревожиться, просили вести себя поумеренней, но, видно было, гордились – настоящий мужик получился. А в итоге через полгода, во время драки, долбанул одного в лоб кулаком и получил пять лет...

Страшный был период между арестом и судом, когда Артему казалось, что он тоже свихнется, как и тот, которому брат раздробил лобную кость. Но в то же время где-то глубоко

в душе Артем был рад случившемуся, будто перехитрил не то чтобы брата, а кого-то огромного, мудрого, который всегда выделял Дениса, дарил ему силу и смелость и вдруг увидел, что ошибся, что дальше по жизни пойдет Артем, Денис же сорвался, упал и вряд ли поднимется.

Артем стал чаще бывать на улице, на равных общался с парнями, которые благодаря случившемуся с братом заужали его; он ходил с ними в ночной клуб, пил водку, иногда участвовал в драках, и мать, увидев на его лице синяк или коросту на губе, начинала рыдающе спрашивать: «Ну ты-то куда?! Ты-то?!»

Это «ты-то» оскорбляло больше всего – в нем слышалось ненавистное Артему слово «недоделанный».

Он постоянно устраивался на работу – одним из главных занятий с двадцати лет было хождение по объявлениям о найме. Продавец книг на уличном развале, разнорабочий на стройке, грузчик на центральном рынке, рабочий сцены во Дворце культуры... Случалось, его брали, даже делали запись в трудовой книжке, а через две-три недели, через месяц давали понять, что недовольны им, еще через неделю предлагали написать заявление «по собственному желанию». И Артем, тоже уже измучившись, с удовольствием писал, вздыхал облегченно, забирал в бухгалтерии расчет; подойдя к дому, изображал на лице расстроенность, извиняющимся тоном говорил, что его уволили и он не знает почему, скрывался в своей комнате. Падал на кровать, отворачивался к стене. И становилось легко и радостно, как бывает, когда чувствуешь, что выздоровел...

Неделю-другую родители его не трогали, даже сочувствовали, что он опять потерял работу (для них, десятки лет сидевших на одном месте, это казалось действительно трагедией), но потом отец начинал хмуриться, мать как-то тычком ставила перед ним тарелку с едой, словно говорила этим: «Вот тебе, дармоед». И Артем брел по объявлениям, вяло объяснял в отделах кадров, что он умеет, почему так недолго пребывал на прежних работах, обещал быть дисциплинированным, не прогуливать, не филонить. Но через месяц-полтора-два снова становился свободен.

Город он знал неважно, хотя вроде бы что там знать? Родился и вырос в центре, центром и ограничивался город для него – скучноватые четырехэтажные и пятиэтажные здания, внушительный, пятидесятих годов, кинотеатр «Победа», сквер вокруг памятника Ленину, рынок, автовокзал... А вокруг бесконечные кварталы частного сектора – кривоватые (почва болотистая) избенки с тесными огородами; в частном секторе Артем бывал редко: сколько себя помнил, между «центровыми» и «деревней» существовала вражда. Когда-то, в семидесятые, случались массовые побоища с участием не только молодежи, но и взрослых, и несколько человек обязательно попадали в больницы.

На севере города, на так называемой Горе, хотя это была лишь небольшая возвышенность, в конце восьмидесятых появился микрорайон светло-серых девятиэтажек. Микрорайон имел свой торговый центр, кинотеатр, школу, универмаг. Вниз обитатели Горы спускались редко, в основном в выходные (работало большинство из них на вагоностроительном заводе восточнее Горы), а некоторые из центровых вообще не бывали в микрорайоне. В их числе и Артем. Приятели там не жили, интересных мест не было, да и нагромождение высоких домов пугало – казалось, что он там запросто может исчезнуть, пропасть.

Город окружала холмистая, вечно желтая степь. На одном из холмов можно было разглядеть коробочки строений, спичку антенны и похожий на миску локатор – там Артем прослужил полтора года... На южной окраине города текла река – быстрая, холодная и мелкая. Купались в ней лишь уверенные в своем здоровье люди или пьяные, которые довольно часто тонули. Река сбегала с Саянских гор, почти неразличимых из города; вверх по течению моторные лодки ползли кое-как, со стороны казалось, что они почти не движутся, и не верилось, как это век

назад староверы тянули туда, в верховье, лодки со всем необходимым для отдельного от всего остального мира существования. Они уходили в тайгу, чтобы уже не возвращаться...

Нигде, кроме родного города, Артем не был. Иногда, когда очень донимала тоска, ходил на вокзал и смотрел на поезда. Знал: те, что направляются налево, через день-два-три будут в Иркутске, Чите, Хабаровске, Владивостоке, а те, что направо, рано или поздно окажутся в Новосибирске, Тюмени, Свердловске, Москве. Но, зная это, Артем ничего не мог нарисовать в воображении – Москва и Питер еще выделялись каким-нибудь знакомым по телепередачам дворцом или площадью, а остальные были просто кружочками с карты.

Он чувствовал, что растворяется в родных кварталах, становится чем-то вроде скамейки, фонарного столба, одного из многих деревьев сквера – мимо идут и идут люди, и никто не замечает, не выделяет его, и он тоже почти никого и ничего не замечает, ничему не удивляется. Панцирь твердый, окостеневший от пыли и копоти... Если он будет жить вот так, как живет, будет видеть одно и то же, у него никогда не появится ни настоящего друга, ни настоящей девушки, которые что-то в нем изменят, изменят что-то очень важное. Потащат вверх по течению или поперек.

И, наверное, поэтому Артем не сопротивлялся, когда родители решили переезжать. Страшно, конечно, было, порой до того, что тянуло заявить, что никуда не выйдет из своей комнаты, не будет собирать вещи – это напоминало рытье себе могилы приговоренным к казни; но какая-то частица, крошечная и в то же время главная в нем, доказывала: этот переезд, эта катастрофа – ему во благо.

Ту деревню, что должна была стать их домом, Артем помнил смутно. В детстве был в ней с родителями. Никаких подробностей не оставалось, кроме ощущения простора – много места для игр, много неба, ярко-зеленая теплая трава, в которой приятно барахтаться. Казалось, что в деревне всегда лето; в двадцать пять лет верить в это, конечно, было бы нелепостью, но против воли что-то такое в душе тлело. Грело, когда ехал на разболтанном «пазике». Сидел в заднем ряду, глядя в пол – кого-то видеть, давать повод разглядывать себя не хотелось. Вообще не хотелось понимать, что происходит. Но с каждым километром он отдалялся все дальше от родного города, он словно скатывался под откос и боялся, что вот-вот сорвется в черную яму. И одновременно с этим жутким ощущением всплывали – не в памяти даже, а где-то за ней – солнечные блики, сочно-зеленое, мягкое, широкое... Была крошечная, но странно-крепкая надежда, уверенность даже, что на дне ямы, в которую срывается по этой кочковатой, выщербленной дороге, он найдет новую жизнь – какую-то пусть и сложную, тяжелую, но настоящую жизнь. Кончится томительный период полудетства, начнется взрослость. Даже родители, обязательные, неизменные до этого, сейчас не виделись впереди. А виделась там изба со многими окнами, в которые бьет солнце, просторный двор, вкусный воздух, речка, на которой по вечерам так хорошо порыбачить, и – главное – силуэты пока неизвестных, но необходимых для его новой жизни людей...

Уже через несколько минут после приезда Артем догадался, почему отец не брал его с собой ремонтировать дом, готовить место для вещей. Да, это была яма, ее черное, беспросветно черное дно. Черное, как бревна их жилища.

Проснувшись после новоселья с тяжелого, хоть и выпил граммов сто пятьдесят, похмеля, Артем решил сразу же пойти на остановку. Сесть в автобус, вернуться в город. Там куда-нибудь деться. К кому-нибудь попроситься из парней пожить, за это время как-то устроиться... Общежитие... Или – гараж ведь есть, с печкой!.. Как здесь-то?

Он провел эту ночь на раскладушке – его кровать в комнате не поместилась, родители спали на диване совсем рядом. Даже прохода не осталось... Воздух был холодный, неживой. И, откинув одеяло, Артем сразу озяб, затрясся и скорее снова закутался. Принял более-менее удобную позу, так, чтобы железная трубка раскладушки оказалась меж ребрами, не так давила.

Слушая похрапывания матери и отца, с обидой, бессильной, детской, подумал: «Я-то что?.. Пусть они решают. Устроили...»

Дни стояли темные, предзимние. Заполняли их перетаскиванием вещей с места на место, поиском во множестве коробок, мешков, тюков какой-нибудь нужной мелочи. Бабка Татьяна сидела у печки и наблюдала за малознакомой родней с подозрительной покорностью, будто рылись они в ее вещах.

Постоянно возникали трудности – то, что в квартирном быте делалось почти незаметно, здесь разрасталось до серьезной, почти непреодолимой проблемы... Главной была вода.

Вода бралась из колонки. Колонка находилась рядом, на другой стороне улицы, но давление было слабым, вода текла тончайшей струйкой, и, чтобы наполнить ведро, приходилось тратить минут семь. На холоде – не очень приятное времяпрепровождение... Ведро приносились домой и выливались в двадцатилитровый бак. Оттуда воду черпали для умывания, мытья посуды. Грязную воду сливали в двенадцатилитровое ведро под умывальником, которое выносили на зады огорода и выливалось в заросли крапивы... В первое время, пока не научились экономить, помойное ведро приходилось нести на зады раза по три-четыре на день.

Мытье посуды было целым процессом. Мыли ее в большой металлической чашке сначала в одной воде, горячей, затем мыли саму чашку, стенки которой были покрыты слоем жира, затем наливали в нее воду теплую (нагреть достаточное количество, даже с помощью электрочайника, никак не получалось). Эту вторую воду приходилось менять раза два, так как она опять быстро становилась жирной, и «Фэйри» не помогало. Особенно тяжело было мыть после говядины...

В туалет по-большому Артем не мог сходить на новом месте несколько дней. Так же с ним было, когда призвали в армию... Да и по малой нужде он шел в похожий на собачью будку сортир, когда сил терпеть уже не оставалось. Смотрел в отверстие в полу. Оно было почти заполнено, и отец собрался было строить новый, но земля уже схватилась морозом. Решил отложить до весны, сказал как бы шутливо: «Ломиком будем сталактиты скалывать». А потом помрачнел: «Вот с банькой что делать...»

Баня стояла между летней кухней и стайкой с курицами – крошечная постройка без предбанника, полусгнивший полوك обрушился, железная печка прогорела. Мыться здесь казалось невозможным; вообще невозможно было представить, как здесь, в этих условиях, может существовать и оставаться человеком бабка Татьяна. Бессильная, еле передвигающаяся, она все же не заросла грязью, в комоду у нее лежало чистое белье, в хлебнице был мягкий хлеб, в подполе – запасы на зиму.

Несколько первых дней Артем никуда за ограду не выходил, только за водой. Территория по ту сторону забора была враждебной, опасной, хотя людей он почти не видел – изредка пробредали старики и старухи с матерчатыми сумками в магазин, быстро протопывали мужички, прокатывался на звенящем велике какой-то пацаненок. Машин почти не проезжало, а знакомое гудение рейсового «пазика» было мучительно – сразу вспоминалось прошлое, совсем недавнее и наверняка навсегда утраченное... Сейчас сделает круг водила, поставит автобус в гараж, придет домой, в квартиру на пятом этаже, примет душ, поест, упадет в кресло перед телевизором... У них тут два телевизора – черно-белый бабкин «Рекорд» и «Самсунг», привезенный с собой, но что толку... И смотреть не хочется, да и возможности нет. Всё грудой свалено, тесно, сесть негде даже.

Хотелось быть одному, и Артем часами сидел в холодной летней кухне, на стуле, делая вид, что разбирается в своих вещах. Кассеты, пластинки, какие-то бумаги, книги, коробочки из-под давно сломавшихся фотоаппарата, плеера. Всё это было теперь ненужно, всё стало лишним. Надо было, еще когда очищали квартиру, вынести на помойку.

Зато того, что немного облегчило бы нынешнюю жизнь, не хватало: не было удобной обуви, в которой можно выбегать во двор, не было и повседневной уличной одежды, которую не жалко замарать, не было хорошего топора, гвоздей, тряпок, фонаря...

Как только немного обустроились, мать поехала в город. Звала с собой и Артема, но он отказался – как сильно хотелось убежать отсюда в первое утро, так было страшно увидеть теперь родные, но уже не его улицы города... А мать в ту поездку окончательно уволилась с работы, купила мяса, сосисок, колбасы, водки; вернулась отчаянно-радостная, словно избавилась от чего-то, разрубила мешающий узел. И выпила тем вечером так, что еле дошла до дивана.

Днем деревня была пуста, почти безлюдна, тиха, зато с наступлением сумерек возле клуба, у магазина начиналось оживление. Слышались хохот, девичьи взвизги, трещали мотоциклы.

– Всё гужбануются, – ворчала бабка, заглядывая за занавеску. – Но счас хоть потише стало, а летом... Там уж до утра не уснешь – бесиво без остановки... Скорей бы морозы ударили...

Артема звуки внешней жизни тоже раздражали, но иначе – хотелось туда... Лучше, если уж его привезли в эту нору, ничего бы вокруг не было. Но вокруг все-таки была жизнь, была молодежь.

И однажды он не выдержал: сбрил успевшую отрасти до бородки щетину, достал из чемодана выходные джинсы, свитер.

– Ты куда собрался? – тревожно нахмурился отец.

– Пойду тут... погуляю.

– Гм...

Артем втянул голову в плечи, ожидая, что сейчас раздастся: «Нет, никаких гуляний! Пьянь там одна». Но мать перебила это отцово «гм»:

– Только осторожней. И не до ночи.

Артем кивнул, ухукунул. Вышел в сенки, через них – во двор. У калитки приостановился, нащупал деньги в кармане, стараясь вспомнить, сколько там. Рублей сто пятьдесят. По крайней мере, на билет хватит. Постоять, послушать музыку, на людей посмотреть...

Высокое и просторное крыльцо клуба было заполнено парнями. Курили, шуршали пластиковыми стаканчиками, целлофановыми мешочками с закуской, рассказывали что-то друг другу, а рассказав, гоготали, заражая гоготом остальных. Но увидели подходящего Артема, замолчали. Как-то остоленело смотрели на него. Артем вспомнил фильмы про ковбоев – там так же столбенели, когда в салуне появлялся чужак... И он подходил, готовый вот-вот получить пулю-удар.

– Здорово-ово, – протянул один из парней, плотный, мощный, то ли с рябым, то ли с угреватым лицом.

– Добрый вечер. – Артем коротко улыбнулся. – Дискотека сегодня?

– Но, – кивок, – танцы.

Еще один, маленький, шуплый, хотя наверняка заводила, вдруг оправдывающимся тоном объяснил:

– Дядь Вася в запое опять, кино не кажут. Вот и танцы.

– М-да, – посочувствовал Артем и поднялся на две ступеньки; тут же ему протянули пачку «Примы» с выбитым наружу концом сигареты:

– Будешь?

Он вынул, поблагодарил, прикурил от подставленной зажигалки... Вообще-то не курил, иногда лишь, выпив, – но сейчас, чтобы расположить парней к себе, закурить, понял, нужно.

– Слушай, тебя Артем ведь звать? – спросил плотный.

– Да... Я вон там, у бабы Тани живу...

– Да мы знаем... Это самое, у тебя, случаем, тридцатника нет? Выпить охота, а кончилось. Артем ждал этого вопроса и обрадовался ему. Знакомство двигалось удачно. Он достал из кармана одну бумажку – оказалось, полтинник.

Парни оживились; плотный передал деньги Артема высокому, в камуфляжной шапочке:
– Балтон, сгоняй.

Потом стали представляться. Плотный оказался Глебычем, щуплый – Нямой, еще один, узкоглазый, – Цоем.

– Вела... Редис... Вица... – продолжали сыпаться клички; Артему стало неловко отвечать на них просто именем. Вспомнилось, что брат и приятели в городе звали его обычно Тяма. И Артем перешел на кличку.

– Во, Няма, – хмыкнул Глебыч, – почти тезка твой.

Парни с готовностью заржали...

Принесенный спирт на вкус был такой же, какой пил Артем в первый день здесь, – отдавало чем-то химическим и жженой резиной. Он сделал глоток и передал стаканчик Няме. Тот проглотил остальное. Причмокнул, будто это была конфета.

Морозило. Парни, в легких свитерах и ветровках, не мерзли, казалось, готовы были стоять так, на крыльце, перешучиваясь и поталкиваясь, всю ночь. За дверью слышалась музыка, красивая и нежная, под которую так хорошо обнять девушку, затоптаться с ней на свободном пяточке, приблизить лицо к ее волосам... И Артем не выдержал:

– Ребята, может, внутрь войдем?

Глебыч поморщился:

– А чё там делать? Бабье одно.

– Ну, потанцевать...

– А-а, – догадался Цой, – тебе телку надо. Погнали покажу, кого там... У нас уже разобраны, но выбрать есть.

– Вальку ему, – сказал Глебыч.

Парни опять заржали:

– Валька – само то! Мягкая...

И, ободрительно подталкиваемый в спину, Артем вошел в клуб.

Сразу за дверью был довольно просторный зал. На стенах мигали вразнобой елочные гирлянды, слева стоял кассетный магнитофон, из которого лилось:

Небо урони-ит ночь на ладони-и,
Нас не догонят, нас не догоня-ат!..

В центре зала танцевали несколько девушек, извиваясь друг перед другом, еще с десятков сидело на скамьях.

– Вон та вон, – перекрывая музыку, стал объяснять Глебыч, – с желтыми волосами, в белой кофте. Видишь? Валька Тяпова. А других не надо пока. Мы уже тут забились...

Артем нашел взглядом ту, о которой говорил плотный. Невысокая, но с хорошей фигурой, волосы от огоньков гирлянд золотились, поблескивали. Танцуя, она смотрела с улыбкой в стену, словно там было что-то чудесное... Артему она понравилась.

– И, это, – снова затеребил Глебыч, – может, еще чирик дашь? Чтоб пузырек купить. Забухаем.

Артем достал деньги, отдал плотному десять рублей. Пошел к танцующим. Старался видеть только ту, на которую указал Глебыч. Придумывал, что бы сказать, вспоминал, как вливаются в общий танец. Танцевать-то он почти не умел.

Глава пятая

В первых числах ноября начал давить настоящий, за двадцать, мороз. Он выжигал в не защищенной снегом земле корни и семена; дни были черные, невыносимо грустные, люди с надеждой поглядывали на небо, ожидая, что вот-вот повалят хлопья. Но в небе была лишь серая хмарь, из-под которой еле-еле пробивался красноватый, не слепящий глаза круг солнца.

Девятого подул несильный, но ледяной, достающий даже в самом жарко натопленном помещении ветер; всё живое попряталось, замерло, стараясь переждать, перетерпеть этот ровный поток мертвого воздуха. И через двое суток пытки слегка потеплело, а потом повалил густой, тяжелый снег.

Валил всю ночь и весь день, потом взял передышку и повалил снова, превращая избы в сугробы, ломая слабые ветки деревьев, валя трухлявые прясла, прогибая плахи незашифрованных крыш.

Люди ругались, борясь с завалами; как по болоту, увязая, шли в магазин, в контору и там подолгу обсуждали последствия этого снегопада, которого, как им представлялось сейчас, еще не бывало. Боялись, что по- оборвутся провода, что дорога в город станет непроезжей. «Подождем тут все без свету и с голоду!...» Но все-таки стало повеселее, поживее. Наконец-то пришла зима.

Снегопад отсрочил поиск Валентиной Викторовной работы. Казалось, что именно он и мешает начать новый этап жизни, и стоит ему прекратиться, стоит появиться тропинкам, ведущим к школе, клубу, конторе, – Валентина Викторовна спокойно дойдет, поговорит, сдаст трудовую книжку, и всё наконец-то станет опять стабильно, надежно.

Приезжая сюда в конце лета и осенью, готовясь к переселению, она специально не интересовалась возможностью устроиться здесь на работу. Начнет спрашивать, узнавать, проситься, получит повсюду отказ – и переезжать станет страшно. Куда переезжать? А так... Так оставалась надежда.

В первые дни было не до поисков – не свихнуться бы, выдумывая, как сохранить вещи от холода, каким образом так всё разместить, чтобы избушка, и без того тесная, не превратилась в набитый хламом чулан.

Потом съездила в город, взяла расчет, попрощалась с сослуживицами. Они, кажется, были рады, что Валентина Викторовна уволилась. По крайней мере, не уговаривали остаться... Еще некоторое время после города она оттягивала поход по местным учреждениям, уже более убеждая себя, что у нее очень много неотложнейших дел, чем это было на самом деле. А потом повалил снег.

Четырнадцатого утром наконец-то решилась. Надела лучший свой костюм – сиреневые юбку и кофту натуральной шерсти, выходное пальто и норковую шапку. Осторожно, чтоб не выглядеть вульгарно, подвела глаза, подкрасила губы... Муж сидел на низенькой табуретке, курил, пуская дым в топку, где трещали дрова. Тетка Татьяна покачивалась в своем закутке меж столом и буфетом. Сын полулежал на теткиной кровати здесь же, на кухне, листал какую-то книгу.

– Ну, я пошла, – сказала Валентина Викторовна.

Муж поднял на нее тяжелые красноватые глаза (выпил вчера за ужином и слегка перебрал), качнул головой:

– Угу, давай... А я снег грести... надо.

Тетка и сын не отреагировали вовсе. «Что, мне больше всех, что ли, надо?!» – нахлынуло возмущение, и Валентина Викторовна скорей шагнула за дверь, чтобы не вернуться в комнату, не сесть на задницу, как остальные... Вернуться и сесть очень хотелось. Ведь предчувствовала, что не будет толку от этого похода, да и сил нет никаких. Все силы растратились на нерво-

трепку, на переживания, когда Николая по судам таскали, потом на переезд этот... О Денисе старалась не думать, а то совсем... Написала в сентябре, что у них произошло, дала новый адрес для писем. А до свидания еще больше двух месяцев...

Первым делом направилась в контору, где находился главный в деревне человек – управляющий.

Длинный, амбарного типа дом состоял из коридора, по обеим сторонам которого располагались кабинеты. Бухгалтерия, агроном, почта, участковый, Пенсионный фонд, отделение Захолмовской сельской администрации... Кабинет управляющего оказался в самой глубине коридора. Словно прятался. Но на стук Валентины Викторовны из-за двери прозвучало довольно бодрое:

– Да?

Она заглянула, с улыбкой спросила:

– Можно?

Вошла.

За письменным столом с потрескавшимся лаком сидел мужчина лет сорока пяти. Вполне приличный на вид. Даже в костюме. Перед ним – газета.

– Здравствуйте. – Валентина Викторовна покосилась на стул, но сесть пока не решилась. – Я к вам... Меня зовут Елтышева Валентина...

– Да, да, – перебил управляющий. – Недавно переехали.

– И уже прописались. Всё в порядке... Я вот что хотела у вас узнать...

– Присаживайтесь.

– Спасибо. – Валентина Викторовна села. – Я хотела бы узнать насчет работы.

– М-м... М-да... – Бодрость управляющего мгновенно испарилась, даже веки потяжелели, придавили глаза. – В каком смысле? – Он еще надеялся избежать неприятного разговора.

– Не могли бы вы что-то мне предложить? У меня библиотечное образование, почти тридцать лет проработала библиотекарем, пять лет – заведующей.

– М-м... У нас есть, конечно, библиотека. Не были?.. Но там Фаина. Вроде справляется. Кружок ведет для ребятишек.

– Но у нее образование есть?

– Не знаю. Не я ее устраивал – этим отдел культуры занимается. Школой – отдел народного образования.

– А по вашей линии есть какое-нибудь... – Валентина Викторовна запнулась, решила выразиться культурнее: – Есть вакансии? – Но уже почувствовала холодок, пока еще слабый, пробежавший по спине; увериться в том, что работы ей не дадут, не хотелось, не должно было этого случиться.

Управляющий пошевелил плечами, отвел взгляд. Замер. Изображал, что думает. Валентина Викторовна ждала. Управляющий вздохнул, вытряхнул из пачки «Явы» сигарету, чиркнул спичкой. Прикурил, затянулся и снова замер, глядя в сторону.

– Ну так что? – не выдержала Валентина Викторовна. – Есть? Можно ра... работницей куда-нибудь... или уборщицей. А?

– Да нету у меня мест. Ничего тут не осталось...

– А для мужчин? – быстро, чтобы опередить свое отчаяние, перебила Валентина Викторовна. – У меня сын – двадцать пять лет... И мужу – пятьдесят. Но он... Он в милиции тридцать лет... капитан.

– Ничего нет, – повернулся, придавил взглядом Валентину Викторовну управляющий. – У меня местные без работы. И мужики, и все. Скотники, механики, доярки, трактористы, повара... В том году ферма еще была, а теперь – ничего. Вообще ничего.

– И... и как же здесь жить? – медленно, делая паузы между этими короткими словами, спросила Валентина Викторовна.

– А черт их... Кто на пенсию живет, кто по инвалидности... Пособия на детей, по утрате кормильца... Кому родня помогает, кто уезжает, нанимается в городе, в крае... О-ох-х... – Осторожно, чтоб не порвать, управляющий затушил докуренную до половины сигарету. – Не знаю. Пятый год сижу тут и удивляюсь. Я сам из Енисейска... Повезло вот, сюда посадили. А что делать – черт его знает. Был бы здесь колхоз, может, и что-нибудь можно было поднять, а так... В Тигрицком вон живут, держатся, но они отдельно. А мы же – часть куста. Центр в Захолмове, техника там...

– Я знаю всю эту систему, – перебила Валентина Викторовна, – я отсюда сама. Помню, как колхозы в совхоз объединили, как люди недовольны были... Но я в городе, правда, долго жила... И вот на старость лет... И не нужна, оказалось... – Валентине Викторовне захотелось плакать, но жалобы управляющего остановили слезы.

– Последних тридцать коров в том году в Захолмово перегнали. На ферме когда-то, говорят, больше ста человек работало, а теперь два сторожа осталось – коровники караулят, чтоб шифер не потаскали... Пошивочный был заводик – мешки шили. Сгорел. Поля были какие, даже пшеницу растили... Ничего... Пнем вот сижу тут и думаю.

Валентина Викторовна поднялась и пошла из конторы.

На улице огляделась. Избы вдоль улицы стояли, по окна заваленные снегом, будто брошенные. Но из труб поднимался дымок – значит, там есть люди, там готовят еду, во что-то они одеты, наверняка у них есть просвет пусть в недельном, но все же будущем. А у нее? У ее семьи? Скоплены копейки какие-то, на которые от силы с месяц протянут, а дальше?.. Николая надо посылать пенсию оформлять. Ему положено за выслугу лет... И ей тоже что-то должно... Два года до законной пенсии, до пятидесяти пяти лет. Два года несчастных. А как их прожить?

Хотела зайти в библиотеку, но не зашла. Толку-то? Там Фаина – хороший, по словам управляющего, работник. Кружок... Направилась в школу.

Двухэтажная, каменная, построенная в позапрошлом веке. Изнутри довольно уютная – большие полукруглые окна, светлые стены, детские рисунки развешаны. Сытно пахнет гречневой кашей.

– Вам куда? – приподнялась с лавочки старушка в синем халате, подозрительно прищурилась.

– Мне к директору.

– А зачем?

Валентина Викторовна покривила губы:

– По личному вопросу. Познакомиться.

– Да?.. А откуда вы?

– Какая вам разница?

– Как это – какая? Моя обязанность за порядком смотреть. Случится чего, – говоря, старушка, мелко перемещаясь, загородила коридор, – случится, и кому отвечать?

– Я... Я хочу просто познакомиться с директором! Гм... – Валентина Викторовна взяла себя в руки, поборола готовый вырваться крик. – Понимаете, я эту школу закончила много лет назад, окончила в краевом центре библиотечный техникум, долго жила в городе, теперь вернулась и хочу познакомиться с директором. Меня зовут Валентина, девичья фамилия – Кандаурова. Мои родители здесь известными были людьми. Тетя, тетя Таня Матасова, до сих пор живет, рядом вон, в двух шагах.

Но старушку эта родословная не впечатлила:

– И что? Уроки идут, нельзя по школе бродить. Директор тоже на уроке. Перемена прозвонит – пушу.

– Понятно...

Валентина Викторовна почувствовала вдруг страшную усталость, даже раздражение на эту в халате прошло. Присела на низкую, для детей, лавочку. Старушка постояла и тоже села.

– А вы не отсюда сами? – спросила Валентина Викторовна; на фамилию «Кандауровы», которую носила лет сорок назад чуть не половина деревни, любая местная должна была как-то отреагировать.

– Я-то? Я из Тувы. – Старушка протяжно вздохнула. – В девяносто третьем переехали. Десять лет почти как... В деревне тоже там жили, в Межегее. Не слышали?

– Нет.

Тува, в которую некогда стремились разнообразные специалисты (зарплата выше, по службе продвижение быстрее, льготы разные, очередь на жилье быстро двигается) находилась южнее, по ту сторону Саянских гор. Но в конце восьмидесятых, как и во многих республиках Союза, в Туве начались национальные конфликты, и украинцы, грузины, русские – все, в общем, некоренные стали оттуда выезжать. Некоторые, из степных деревень и поселков, бежали почти без имущества, напуганные угрозами перерезать их, сжечь заживо... Большинство оседало в городе, где жили Елтышевы, и было время, как раз году в девяносто третьем, – они шерстили учреждения в поисках мест работы. К Валентине Викторовне тоже заходили женщины с умоляющими глазами. «Не возьмете? Я районной библиотекой заведовала... Я в школьной двадцать лет отработала...»

– Хорошо мы там жили, – говорила старушка, – крепко жили. Бор рядом, и не как тут, сухой, а богатый. Груздей, бывало, косой коси. Бочками солили. Пласт груздей, пласт рыжиков, пласт волнушек, потом опять груздей... И жимолость, и брусника. Зайцев полно. Мой силки ставил, всегда с зайчатинкой были. Собаке варила... Этих, тувинцев, почти не было, а какие были, то смиренные, работающие... А избы какие оставили! Из лиственяка, двести лет им стоять... Сарай, завозни, бани – всё срубы. Сосны рядышком, а нарочно лиственень везли с Саян, чтоб не погнило... А как эта вся смута-то началась, так и у нас пошло. Сперва по ночам на лошадях насканивали, тащили, что плохо лежит, а потом уж и грабить начали, резать. Одетыми спали последнее время...

Старушка говорила и говорила, не интересуясь, слушают ее или нет, а Валентина Викторовна под монотонно-жалостливый голос прокручивала свою жизнь и пыталась вспомнить, были ли там, в прошлом, моменты, когда чувствовала настоящую, ничем не подтачиваемую надежность, не тревожилась за завтра... Нет, конечно, были такие периоды, и многими годами измеряемые, но сейчас они не вспоминались. Точнее, не вспоминалось это ощущение надежности.

– ...И решили мы выезжать. Всей деревней решили. А дворов под сотню было. Машин мало добро вывозить, у кого что продать – так кому продашь? Куда? Все трогаются... У меня сын с семьей при мне, а дочь давно уж там, в ихней столице, в Кызыле, жила. Теперь в Шушенском... И вот сперва мы к ей, а оттуда уж сюда кое-как. Сын домишко брошенный тут нашел, купил у сельсовета. Подлатал... Обжились. Потихоньку новый дом поставили. Теперь ничего, а первое время ох тяжело было... И тут нас обокрали первым делом, мотоцикл угнали. Прямо с ограды. Так и не нашелся. Сын плакал... А муж-то мой там лежит, в Межегее. Помер в восьмидесяти восьмом еще, не увидел всех наших страданий. О-ох... Что с могилкой его, и не знаю. А деревня снится каждую ночь почти. И бор, и горы, и всё... А здесь другое совсем...

Валентину Викторовну из услышанного задела два слова – «машина» и «обокрали»... Надо с Николаем насчет машины поговорить – будет налаживать, не будет? И с гаражом что делать? Продать и то и другое или как? Что-то надо решать. И воровство... Тетка тоже сколько раз говорила: воруют страшно. Их пока, слава богу, не трогали, но если машину перегонят – вполне ведь могут...

Старушка посмотрела на висящие на стене часы и, вздыхая, поднялась. Нажала кнопку; глухо, как алюминиевый, затренькал звонок.

– Идите на второй этаж, – сказала Валентине Викторовне, – и там по левую руку первая дверь. Звать ее Ольга Петровна.

Ольга Петровна была высокой, крупной, моложавой женщиной. Представительной.

Приняла Валентину Викторовну с приветливой улыбкой, обнажившей металлические коронки на передних зубах. Усадила, предложила чаю.

Мягко, с благодарностью отказавшись, Валентина Викторовна похвалила школу – уютно, тепло, светло. Сообщила, что сама родом отсюда, но жила в городе. А потом, набравшись духу, спросила, есть ли у них свободное место, добавила: отработала тридцать лет в библиотеке, пять лет из них заведующей, прекрасно знает русскую литературу...

Лицо Ольги Петровны поскучнело, вместо улыбки появилась горестная гримаса, углы губ загнулись, внизу щек появились мешочки.

– Ничем, к сожалению, помочь не могу, – сказала. – Химика у нас нет, но ведь вы же не химик... И я ничего в этих цепочках не понимаю... Нет, все штатные должности заняты. Года бы три назад... Тогда у нас почти никого не было, мне приходилось и историю всю вести, и географию, и труд. А сейчас поняли люди, что нечего им искать лучшего – хоть и две тысячи зарплата, но лучше, чем ничего... Одна из Захолмова каждый день приезжает, учительница физики, а это тридцать километров почти в один только конец. И вот мотается...

Снова зазвенел звонок. Директор поспешно вскочила:

– Простите, мне на урок. Седьмой класс. Кошмар прямо какой-то – каждый раз сражения.

Валентина Викторовна, кивая, направилась к двери. Директор шла чуть сзади, горевала:

– Совершенно неуправляемые. И ничего на них не действует. Вы же, говорю, сейчас фундамент жизни своей закладываете, ведь с вами там дальше никто нянчиться не будет... Ничего! На ушах стоят, девочки хуже парней. В восьмом, в девятом приходят в себя, но часто поздно уже... У нас школа-то девятилетняя. Лет семь как переформатировали. Бывает, кто хочет полное среднее получить, – или в город едут к родне, или в Захолмово. Двух-трех мы тут до аттестата довели – заочно, так сказать. Комиссия из районо приезжала. Экзамены такие, что прямо как в МГУ. Но ничего, не подвели ребята, сдали. Сейчас, правда, здесь. Денег нет поступать... А насчет работы... Не знаю, что и посоветовать. Совсем с этим неблагополучно у нас. Но если вдруг что, то я, конечно...

Домой вернулась разбитой, выжатой. Будто палками отходили. Хотелось лечь на диван и лежать, лежать.

А дома – гостья. Сидит нарядная, лет сорока, светло-русые волосы, располагающее лицо. Даже в таком своем состоянии Валентина Викторовна почувствовала к ней симпатию. Или захотела почувствовать. Может, симпатию не к ней именно, а к той надежности, что от нее исходила.

Гостья сидела за накрытым к чаю столом, напротив нее – Николай. Сына на кухне не было, тетка, как обычно, покачивалась на своей табуретке, смотрела на гостью, не понять – враждебно или с интересом.

– О, вот и Валя! – как-то облегченно обрадовался муж. – С ней надо обсудить...

Гостья метнула на Валентину Викторовну быстрый, но цепкий взгляд, за секунду всю ее осмотрела, оценила и заулыбалась. Приподнялась.

– Здра-авствуйте, Валентина! – подала руку.

Валентина Викторовна неумело пожала ее – здороваться за руку не привыкла. Вернулась к двери, оббила снег с сапог. Стала снимать пальто.

– Это вот соседка наша, – заговорил Николай. – Елена... М-м?

– Можно без отчества.

– Елена Харина. Они с мужем на соседней улице живут...

– У нас пятеро детей, – подхватила гостья. – Старшему пятнадцать, а младшей, Анюте, три с половиной.

– А всё говорят, рождаемость падает. – Валентина Викторовна включила чайник. – У вас пять детей, у Юрия – шесть. Еще, слышала помногу есть... А вы местные?

– Да не-ет, вы что! Из Братска. Половина добра еще там.

– Ясно. Что-то одни приезжие. И управляющий, и техничка в школе...

Гостья согласно закивала:

– Приезжих много. И я представляю, каково вам сейчас. Сами так же... У вас хоть вот бабушка есть. – Короткая улыбка в сторону тети Тани. – А у нас никого знакомых не было. Пальцем ткнули и приехали. Наши корни – и мои, и мужа – с Урала. Родители оттуда. По комсомольской путевке ГЭС строить рванули. А мы теперь оттуда выбираемся. Совсем там... Ни цивилизации, ничего.

Щелкнул, вскипев, чайник. Валентина Викторовна с усилием встала.

– Чай будете?

– Да я уже напилась. А, налейте еще. Вкусно ваш Николай чай заваривает...

– А Артем где? – спросила Валентина Викторовна мужа.

– Ушел. Сказал, погулять.

– Я вот что пришла, – заговорила Елена, дождавшись, когда Валентина Викторовна снова устроилась за столом. – Познакомиться, конечно, но и предложить помощь. Понимаем, как это – с нуля почти всё начинать... Мы с вашим мужем вот поговорили... Вы ведь строиться, конечно, будете. Как вам здесь всем... – Оглядела тесную, низкую кухню. – Перекантоваться только первое время. Так вот. У нас директор лесопилки в Захолмове приятель. Доски, брус, горбыль – всё может по себестоимости уступить. И насчет цемента есть каналы. Цемент-то вообще бешеные деньги стал стоить! А у нас есть выходы... Бензопилы у вас, вот Николай сказал, даже нет. А как в деревне без бензопилы? Мы можем свою уступить. У нас две. Вторая должна прийти в контейнере в феврале. По-товарищески уступим. Да? И с кормами... Ведь будете же свиней заводить, корову, наверно. Здесь без своей скотины не выжить. Корм тоже помочь можем брать. Так-то с ним беда, а нам удалось контакты наладить. Не знаю, как бы на ноги мы поднялись, если бы всё по рыночным ценам пришлось...

У Валентины Викторовны не хватало сил слушать гостью – много сегодня на нее и без этого излилось монологов, вообще тяжелый получился день, – но то, что незнакомый человек вдруг пришел и предлагает свою помощь, вообще обратил на них внимание, пусть и небескорыстно, радовало. Тепло стало на душе, забрезжил впереди просвет. Ничего, пройдут эти первые месяцы, устроятся, смогут... Протянула руку, накрыла ладонью лежащий на столешнице кулак мужа. Сжала ободряюще.

Глава шестая

Зиму переживали. Трудно, иногда казалось, что не выдержат, задохнутся в этом домике-склепе, перегрызут друг друга – теснота породила ссоры, обостряла раздражение. Но – все-таки как-то переживали. Помогала тетка Татьяна.

Она просыпалась часов около семи и начинала шевелиться. Медленно одевалась, долго тщательно умывалась, осторожно тренькая штырьком умывальника. Растапливала печь, кипятила воду (электрочайником не пользовалась), пила чай, тоже долго и тщательно, вприкуску с хлебом, словно бы в этот момент набираясь сил на весь дальнейший день; и действительно, в течение дня она почти ничего не пила и не ела... Потом ходила проведать кур, отрывала листок висевшего на стене календаря и читала, надев очки, что там написано на обратной стороне листка. Готовила завтрак.

И ее медленное, но упорное, каждое утро продолжающееся существование заставляло и Елтышевых вставать с кроватей, умываться, что-то делать. Преодолевать очередной приближающийся их к весне-освобождению день.

После Нового года, который постарались отметить с полным вкусом еды столом, стало появляться на небе солнце, и мороз уже казался не таким мертвящим... Артем все больше пропадал за оградой, гулял, возвращался поздно вечером в основном трезвым, и родители, видя, что ему неплохо, не спрашивали, где он был, с кем. Не пьяный, без синяков, довольно веселый – и ладно. Значит, нашел приятелей, встретил тех, с кем неплохо проводить время. Какой-никакой, но выход.

С февраля Николаю Михайловичу стали приносить пенсию за выслугу лет – семьсот тридцать рублей. Копейки, конечно, мелочь оскорбительная, но все же хоть что-то. На питание – крупу, макароны, мясо, чай, сахар, консервы – хватало. Картошки и солений у тетки Татьяны было запасено прилично – даже не верилось, что это она, еле передвигающаяся, нарубила целую кадку капусты, насолила с полсотни банок огурцов и помидоров, спустила в подпол картошку, морковку, редьку, свеклу, бруснику засахарила, варенья наварила. И никто ей, говорила, не помогал, единственная помощь – огород по весне трактором вспахивали.

Как только начал сходить снег, в начале марта, Елтышев отправился разбираться с машиной. Жена заставила – всю зиму напоминала, что надо что-то решать – или отремонтировать, или продать; иногда от ее слов Николай Михайлович готов был вспылить, ответить резко, но понимал, что она по существу права.

Приехал в город, покурив на площади автовокзала, привыкая к многолюдью. За зиму был здесь всего два раза – оформлял пенсию, скрепя сердце встречался с бывшими сослуживцами, собирал справки.

Сейчас тоже дело предстояло неприятное, снова нужно было просить, что-то обещать, от кого-то зависеть...

Мелкие поломки Елтышев исправлял сам. Особенно легко было отремонтировать первую машину, «трешку», – всё просто, понятно. А с этим «москвичом» двадцать первым измучился. Сдуру купил, поддавшись кратковременной, но напористой моде на этот автомобиль, клюнув на внешнее удобство, современный дизайн. И вскоре присоединился к большинству тех, кто проклинал эту модель. То одно полетит, то другое, и даже профессиональные механики диву даются, как там всё неудобно, хитроумно – не разберешься, не подлезешь... За те три года, что у Елтышева был этот «москвич», кажется, все уже ломалось. Последней поломкой стал мотор...

В киоске купил жетончик для таксофона и позвонил знакомому механику УВД. Тот иногда помогал с ремонтом машин участием или советом.

Механик оказался дома, удачно был свободен от дежурства и домашних дел и согласился посмотреть, что там с «заразой». Все машины он называл заразами, да и правильно – большая часть его жизни была отдана тому, чтобы их налаживать. Все эти изъезженные «жигули», «уазики», «газели»...

Огибая дорогие сердцу участки родного города – тяжело было оказаться там гостем, – Николай Михайлович направился к своему гаражу.

Гаражи в их городе образовали своеобразные кварталы – выделялись территории, большие участки на окраинах кооперативам; постепенно вокруг появлялись дома, и их жильцы, кому не повезло купить готовый гараж рядом, получали землю на новой окраине.

Тот кооператив, в котором состоял Николай Михайлович, находился неподалеку от центра – кооператив был старый. Взносы приходилось платить немалые, но зато и председатель работал всерьез: обнес территорию металлическим забором, у единственного въезда поставил вышку-сторожку. За те почти десять лет, как Елтышев владел здесь гаражом, раза два-три всего слышал про кражи, да и то – не машины угоняли, а по мелочам: снимали аккумуляторы, утаскивали разные запчасти, каких немало хранится в гаражах. Но по дороге Николаю Михайловичу представилось, что сейчас подойдет и обнаружит ворота взломанными, а «москвич»... И странно, страха не появилось, даже захотелось, чтобы машину действительно угнали, гараж разорили. Худо-бедно, но выход. И не надо ломать голову, как и на какие шиши ремонтировать (той тысячи, что лежала в кармане, наверное, хватит, но это ведь не последний ремонт, а тысяча на сегодняшний день – последняя)... Перегонит в деревню, нужно будет срочно строить гараж (опять же, на что?), а без гаража через пару лет ржавчиной изойдет – и так уже по низу кузова есть эта рыженца... Конечно, жалко терять гараж – последняя зацепка здесь, в городе, – но придется. Другого выхода нет. По крайней мере ради денег продать. Опоганенный вормем, продать его будет наверняка не так жалко. Избавиться.

Но дежурящий возле тяжелого шлагбаума охранник, сперва поглядевший на Николая Михайловича с подозрением, узнал и заулыбался, жестом пригласил проходить. И этим развеял странные желания Елтышева: нет, здесь всё надежно.

Начались справа и слева плотные ряды бетонных коробок. Тоже надежных, крепких, как бункеры... Сам Николай Михайлович никогда гаражей не строил, но технологию знал хорошо (много лет, имея машину, но не имея гаража и места под него, готовился строить).

Сперва выкапывается глубокий, но не широкий котлован. Большинство людей его бетонируют, а некоторые забирают досками-сороковками, лучше всего листовыми. Получается погреб. Кое-кто плюс к погребу делает и смотровую яму. Дальше сколачивают опалубку и заливают раствором стены. Для раствора надо покупать цемент, привозить песок, щебень, соединять это все в бадье, тщательно перемешивать и, загружая в ведра, переливать внутрь опалубки. По несколько сантиметров выше, выше... Конечно, блатные и в советское время пригоняли бетономешалки, нанимали людей для строительства, но основная масса мужиков корячились сами, в одиночку, месяцами.

Главное было – крыша. Одни стелили плахи, другие – стальные балки, покрывали толем, засыпали глиной или опять же заливали бетоном. У кого возможность была – топили гудрон; были и те, что клали шифер. В общем, каждый по-своему старался сделать крышу наиболее герметичной. Протекающая крыша – самая большая проблема владельца. Тем более что течь может не только явно – из трещины капает; самое подлое, когда влага напитывает сначала крышу, затем стены, заражает ржавчиной лежащие на полках детали, запчасти, автомобиль, сползает в подвал...

В конце же строительства бетонировали пол, навешивали ворота, выводили из подвала воздухопроводную трубу, ставили печку, протягивали проводку. Приводили электрика, который подключал гараж к ЛЭП.

Да, не строил Елтышев этот гараж, не было связано с ним никаких историй, особых проблем, кроме того, что несколько лет назад заменил провисшие обитые листовым железом ворота на цельнометаллические (хоть и тепло не держат зимой, но зато открываются легко, долговечные), не прикладывал к его содержанию больших усилий, но сейчас, бродя по нему вокруг промерзшего «москвича», оглядывая стеллажи с разными, в основном ненужными, вещами, бросовой мелочевкой, вдыхая запах холодной пыли, цемента, чувствовал себя вернувшимся чуть ли не домой. Но уже почти и не в свой дом, который скоро нужно будет оставить навсегда... Ведь как, действительно?.. Нужно, никуда не деться, продавать гараж и строиться в деревне. Бруса купить, кирпича, цемента. Еще одну зиму им в избенке не пережить.

Николай Михайлович открыл машину, сел за руль. Поежился. В салоне было морозно... Да, промерзла... Чтоб немного согреться, закурил... А сыновьям что оставит? Артем – с ним более-менее, он наверняка так и будет при них. Вряд ли когда повзрослеет. А Денис... Вернется Денис, и куда? Так хоть гараж здесь будет, сказать ему: вот, это твое имущество, извини, что так получилось. Но хоть что-то...

От этих сбивчивых, панически-хаотичных мыслей Елтышеву захотелось зарычать и садануть со всей мочи по рулю. Каким-то зверем, огромным, сильным себя чувствовал, но попавшим в капкан, из которого не выбраться. И рвись не рвись, что хочешь делай – не поможет.

– Хэй, есть кто живой? – голос от ворот.

Николай Михайлович вздрогнул. От неожиданности, конечно. Затыкал окуроч в пепельнице, полез из машины.

– Здорово! – встретил уже подошедший механик; на нем был темно-синий милицейский бушлат, на голове – спортивная шапочка. На плече висела старая вместительная сумка, в которой, Елтышев знал, лежат ключи, тестеры, еще разные профессиональные инструменты.

– Здорово, здорово, Сереж.

– Ну, чего опять у тебя?

– Да вот...

Николай Михайлович засуетился, включая свет в гараже, открывая капот; объяснял оправдывающимся тоном, что, вот, сначала застучало, а потом мотор заклинил, уже смотрели, но не специалисты, а он, Сергей, он ведь мастер, золотые руки... И одновременно вспоминалось, как, когда Елтышев служил, этот Сергей перед ним заискивал. Ну, может, и не особо заискивал, но вот такие вопросы: «Чего опять у тебя?» – не задавал. Да попробовал бы только...

Глава седьмая

Весна осваивалась медленно, с натугой. То, казалось, укреплялась, распускала по земле живые нити, то хирела, исчезала, гибла в новой волне морозов.

В городе война весны с зимой и не замечалась почти, лишь самые важные моменты – вот с крыш закапало, вот снег сошел, трава полезла, вот полопались почки и деревья покрылись зеленоватой словно бы пылью. А в деревне была заметна, важна-необходима любая мелочь. И ждала эту весну Валентина Викторовна, как, пожалуй, никогда раньше, даже в детстве.

За почти полгода жизни здесь приятельниц у нее не появилось. Да и у мужа приятелей тоже. Разве что Юрка, который часто заходил, присаживался в пороге, курил, рассказывал, какая летом тут благодать, с готовностью включался в планы Николая насчет строительства – «Да мы такие хоромы отгрохаем! Я помогу, Михалыч, ты что! Дава-ай...» – а перед уходом просил «тридцатничек» в долг. Иногда Николай давал, и тогда Юрка расцветал, тут же предлагал «посидеть, раздавить пузырек», а когда следовал отказ в деньгах, надувался, будто его обманули, не заплатив за выступление положенный гонорар...

У Юрки было шестеро детей – четыре мальчика и две девочки, от тринадцати до четырех лет. Сам он после закрытия фермы нигде не работал, жена мыла полы в магазине. «На что живут?» – часто недоумевала Валентина Викторовна и пыталась высчитать: жена получает в лучшем случае тысячи полторы плюс детские деньги (семьдесят рублей в месяц), может, еще как-то родственники помогают, хотя вряд ли, может, что-то Юрка нашабашивает, что тоже маловероятно. На сколько-то, наверное, продают осенью картошку скупщикам. И как, пусть даже на три тысячи в месяц (да нет, какие там три тысячи? меньше), прокормить, одеть всю эту ораву?

Несколько раз она видела Юркиных детей. Старшая, тринадцатилетняя Лида, выглядела на свой возраст, сложена была пропорционально, а уже следующий, одиннадцатилетний Павлик, ростом, сложением смахивал на восьмилетнего-девятилетнего; остальные тоже были низкорослыми, щуплыми, с туповатыми лицами... «И что из таких получится?»

Тех, с кем выросла здесь, кого знала еще до отъезда на учебу в педучилище, Валентина Викторовна почти не встречала. Да и немудрено – без малого сорок лет прошло. Но все-таки было не по себе: казалось, все они вымерли от какой-то страшной чумы или холеры, а немногие оставшиеся были точно заболевшими или переболевшими совсем недавно – вялыми, равнодушными до неодушевленности. Валентина Викторовна начинала было рассказывать им о своих бедах, о том, что вот на старости лет приходится всё начинать сначала, а они механически кивали, уныло вздыхали и смотрели мимо ее глаз, куда-то в пустую даль. И прощались также бесцветно, как здоровались, продолжали медленное передвижение по улице.

Более или менее тесно сошлась Валентина Викторовна только с Леной Хариной – той женщиной, что навестила их в середине зимы, предложила помощь, хотя ее семья тоже нуждалась – ждали контейнер с вещами, а он всё не прибывал. Валентина Викторовна посоветовалась с мужем, и они заранее, заочно купили у Хариных бензопилу. За две с половиной тысячи рублей (подобралась как раз такая сумма) – почти на полторы тысячи дешевле, чем та стоила в магазине.

– Вот-вот привезут, – заверяла Елена, убирая деньги в карман. – Вот-вот... Проблемы там с транспортом были, но уже, получены сведения, идет состав. А пила прекрасная – «Тайга»!

Машину удалось наладить, хоть это и стоило денег. В начале апреля перегнали сюда. Гараж пока продавать не решались – все же страшно было терять какую-никакую, но недвижимость в городе. Оттягивали момент окончательного решения.

Николай начал выбирать участок, на котором будет стоять дом. Выбрать, правда, оказалось не так уж просто – несмотря на то что усадьба тети Тани составляла семнадцать соток,

двор был крошечный, окруженный строениями: дровяник и угольник, банька, стайки с сеновалом наверху, летняя кухня. За ними – сортир, хоздвор, где летом жили куры. Теснота построек. Конечно, теснота оправдывалась тем, что зимой, в мороз, из избы до баньки или до угольника можно было добежать за секунды. Но куда тут всунуть дом и гараж? Вот пригнали «Москвич», и он занял почти весь двор.

Николай заговорил при тетке, что, видимо, придется ломать дровяник и стайки, спросил ее мнение. Тетка приподняла и уронила тонкую руку:

– Да ломайте, ломайте. Мне-то уж что... Мне бы дожить как-нибудь... Куриц жалко – как они в зиму под небом останутся...

– Построим новую стайку, – с улыбкой, но заметно помрачнев, сказал Николай.

Тетка безнадежно вздохнула.

Настрой что-либо переделывать после этого, как заметила Валентина Викторовна, у мужа ослаб. Он подолгу сидел на трухлявом чурбане во дворе, чаще стал курить. Чуть не одну за одной. Смотрел хмуро на черную покосившуюся избу, на такие же, дышащие на ладан, сараюшки. Во взгляде читалось: «Что делать? Я не хозяин здесь. Как мне самоуправничать?»

Однажды Юрка привел невысокого, хорошо одетого мужчину в кожаной кепке, с папочкой под мышкой. В первый момент, когда увидела из окна, как они заходят в калитку, Валентина Викторовна перепугалась – кольнуло в сердце, что о Денисе страшное сейчас сообщат. Или сбежал, или что еще хуже... Метнулась было на двор, но тут же остановила себя, поправила волосы, одернула кофту, пошла медленно. Снова остановилась, решила дождаться, когда войдут.

Человек все не появлялся, и она все-таки толкнула дверь, выглянула... Муж слушал хорошо одетого, который что-то говорил тихо, но энергично. Рядом переминался Юрка, заглядывал в глаза то Николаю, то тому, кого привел.

– Что-то случилось? – спросила Валентина Викторовна, стараясь казаться спокойной.

– Да вот... – Николай растерянно pokrивил губы. – Предложение тут нам...

– Здравствуйте! – обрадовался человек Валентине Викторовне, глубоко, будто поклонился, кивнул и тут же снова повернулся к Николаю. – Для самих местных это лучше – спирт качественный, питьевой...

– А что такое? – перебила Валентина Викторовна, снова тревожась, но уже по другому поводу. – Может быть, в дом пойдём?

Мужчина согласился:

– Да, желательно.

– Не, не надо, – остановил Юрка, – там эта, бабка. Начнет опять ворчать.

– Гм... Так вот, о чем я... – Теперь мужчина больше обращался к Валентине Викторовне. – Здесь, как вы, наверное, знаете, в Захолмове – спиртовой завод. Спиртзавод... И есть возможность наладить продажу спирта населению. Спирт питьевой, предназначенный для водки...

– Да пробовали мы его, – снова pokrивился Николай, – горелая резина до сих пор во рту.

– Что? – Мужчина на мгновение растерялся. – А-а, так это, – растянул губы в улыбке, – это вы ворованный пили. Были тут одни, ворованным торговали. Мы с ними разобрались.

– Угу, – невесело подтвердил Юрка.

– Сейчас же мы налаживаем сеть по району. Чтобы всё цивилизованно... Лицензию на торговлю алкоголем свыше двенадцати градусов магазин снова не получил, значит, люди будут продолжать травиться гадостью. Как эки уже, зеленку пьют...

– Так что вы хотите-то? – устала слушать эту околесицу Валентина Викторовна, вопрошительно взглянула на усмехающегося мужа.

– Да спиртом предлагают нам торговать, – сказал он.

– Практически да, – подтвердил хорошо одетый и зачастил убеждающей скороговоркой – так в модных магазинах говорят специально находящиеся в зале люди. – Всё централизованно, согласовано наверху. По мере надобности я привожу тридцать литров питьевого спирта, тару. Вы разводите... Я выдам спиртометр. Вода в колонках очень высокого качества, так что можно не кипятить. Отпускная цена пол-литра – тридцать рублей, а вы можете повышать по своему усмотрению – на десять, пятнадцать рублей. Практика показывает, что цена в сорок пять рублей на сегодняшний день людей устраивает. Берут...

Валентину Викторовну поразило не само предложение этого мужичка – все сейчас зарабатывают как могут, – а то, что Николай не обрывает его, не гонит со двора. Наоборот, перестав усмехаться, внимательно слушает, что-то в уме подсчитывает... И ей пришлось оборвать самой:

– Слу... слушайте! Вы не знаете, наверно, к кому вы пришли. Думаете, живут в халупе такой, так к ним можно, не откажутся. У меня муж тридцать лет в милиции прослужил. На заслуженном отдыхе... Я – библиотекарем... Как вам не стыдно!.. Коля, да выведи ты его!

– Подождите-подождите, – примиряюще поднял руки мужчина, – я же вам ничего преступного не предлагаю. Наоборот. Понимаете, люди травятся всякой дрянью. А тут – питьевой спирт заводской перегонки. Можно сказать, полезное дело...

– Ладно, уважаемый, действительно, – наконец подал голос Николай. – Мы уж как-нибудь, как раньше... Попрощаемся?

Мужчина пожал плечами:

– Очень жаль. Я именно к вам поэтому и пришел, что о вас хорошо отзываются. Надеюсь на ваше понимание. Что ж, до свидания. – И пошагал к калитке.

Юрка, вздохнув, направился за ним. Нагнал, зашипел в ухо, но так, что Валентина Викторовна услышала:

– Я счас еще покажу. Те обязательно согласятся.

– Далеко?

– Да не, на той стороне...

Довольно долго после их ухода Елтышевы возмущались: Валентина Викторовна – горячо, Николай Михайлович – сдержанно. Но и сожаление в этом возмущении слышалось – сожаление, что вот они не могут, как большинство других, торговать спиртом, а бизнес-то прибыльный, способный помочь им выбраться из вдруг обрушившейся полунисцеты.

А через несколько дней Артем сюрприз преподнес. За завтраком, долго томившись, то беря, то откладывая вилку, отбивая своим мрачно-беспокойным видом аппетит, в конце концов произнес:

– Я, наверно, женюсь.

– А?..

– Тут так получилось... Жениться нужно.

– Что?! – Но, не поверив ушам, ужаснувшись, Валентина Викторовна словно была готова к этому. Да не просто готова, а обрадовалась, и в мозгу засветилась схемка: встретил девушку, городскую, – сюда к бабушке приезжает, – женятся, переедет к ней в квартиру, возьмется за ум, работу найдет, может, и в институт поступит, и всё будет хорошо.

– ...Уже заявление подали...

– Так-с, и на ком это? – повеселел, но повеселел нехорошо, Николай.

– Ну... Ну, познакомился тут с девушкой. Еще зимой...

– И это с ней ты всё пропал?

– Ну да.

– Хм, интересно!.. Женюсь...

– А кто она такая? – стараясь быть спокойной, спросила Валентина Викторовна. – Местная она?

– Ну да...

– Да говори, рассказывай теперь. Кто это? С чего вдруг?

– Ну, зовут Валентина, – Артем быстро взглянул на мать, – тоже. Живет с родителями... Там, за прудом... Двадцать семь лет.

– Старше тебя, получается?

– Ну на немного же...

– И кто родители? Что за семья?.. Давай рассказывай! – Николай стал выходить из себя, Валентина Викторовна пихнула его ногой под столом. – Да ладно, не пинайся!

– Мать – не знаю, – продолжил бурчать Артем. – А отец баянистом в клубе работал... раньше... Георгий... Отчество не знаю... забыл... Фамилия Тяповы у них.

– Это ты про Гошки-баяниста, что ль, дочку? – очнулась тетка Татьяна.

– Ну, наверно...

– О-ой, выбрал тоже.

– А что? – обернулась к ней Валентина Викторовна. – Что такое, тётъ?

– Та-а, – отмахнулась она своим жестом безнадежности, – язык не повернется...

– Да ну, – перебил Артем, – мало какие сплетни...

– Помолчи-ка! – Николай пристукнул кулаком по столу. – Такими словами не бросаются – женюсь. Какие бы у вас там порядки ни были, а родители должны знать. Ясно? Почему ты нас с ней не познакомил до сих пор? С ее родителями? Пять месяцев где-то что-то, а теперь – женюсь.

– Ну, познакомились...

– Ну-ка не нукай! Интересное дело: взял и поставил перед фактом. Расхлебывайте теперь, мать с отцом! Умник.

Валентина Викторовна попыталась успокоить:

– Подожди, не кричи, пожалуйста. Разобраться надо, узнать...

– Да что тут узнавать уже?! Поздно узнавать. Женится он, видите ли. И плевать ему, что у нас ни рубля сейчас, что на чемоданах сидим. Нет, вот надо именно в такой момент заявлять...

Николай поднялся из-за стола, схватил с печки сигареты, вышел. Бухнул дверью.

Артем сидел, затравленно поглядывая туда-сюда, втянув голову в плечи... Валентина Викторовна искала какие-то слова, но все они были не те; всё, что приходило на ум, казалось, сейчас только повредит, усугубит.

Глава восьмая

Земля отошла во второй половине апреля. Родители заторопились с посадкой картошки, обустройством огорода, но бабка Татьяна сказала, что рано, что еще будут заморозки, а то и снег. Мать не поверила, поговорила с соседками, те подтвердили: «Числах в десятых мая садимся. Огурцы, помидоры так и позже – в июне... А ты что, забыла?» Мать растерянно пожала плечами: «В городе вроде раньше...» – «Хе, в городе! В городе всё по-другому».

В последнее время Артем старался поменьше попадаться родителям на глаза... На другой день после того, как объявил насчет скорой свадьбы, мать с отцом пошли к Тяповым знакомиться. Мать, оказывается, знала Валентининых родителей – они были чуть старше, – но знакомство их, прерванное на несколько десятилетий, не стало поводом подружиться. Поговорили у ворот, удостоверились, что Валентина беременна, примерно на третьем месяце, покачали головами, тяжело поглядели на Артема и его невесту...

Дядя Гоша, правда, любитель выпить, заикнулся, что надо бы посидеть, пропустить за знакомство, но его не услышали. То есть сделали вид, что не услышали.

– На какое число регистрация? – спросил Николай Михайлович.

Артем покосился на Валю, опасаясь отвечать сам.

– Двенадцатого мая, – сказала она.

– А ум-то есть в мае жениться?! – Валентина Викторовна всплеснула руками.

Будущая сватья встрепенулась:

– А что такое?

– В мае жениться – всю жизнь маяться.

– Да уж ладно вам...

– Что ладно? Не терпится замуж выдать?.. – взвилась Валентина Викторовна. – Надо еще экспертизу сделать, от кого что там...

Чудом каким-то не дошло до ссоры.

Артем плелся за матерью и отцом и думал, как и в первое утро здесь, в деревне, о том, что надо бежать. Куда-нибудь, как-нибудь. Что-то страшное завязывается в эти дни... Но куда все-таки и на какие деньги? Даже на автобус до города денег нет... Но так хотелось оказаться в своей комнате, одному, на кровати, которая сейчас, разобранная, зарастает пылью в летней кухне...

Одному... Нет, одному теперь не получится. Попал. Сам хотел этого, хотя и боялся, и вот – попал.

Он подробно запомнил те первые встречи с Валею, тот первый танец... При свете елочных гирлянд, заменяющих цветомузыку, она казалась очень симпатичной и молодой. Артем пригласил ее потанцевать, она коротко удивилась, и в этом удивлении уже было и согласие, и готовность к большему... Тогда Артема это обрадовало. И потом, когда обнимались, целовались на холоде в каком-то переулке, он был счастлив.

Валентина жила на краю деревни, в одном из двухквартирных домов, стоявших неподалеку от развалин сгоревшего несколько лет назад пошивочного завода. Довольно далеко от центра, где жили Елтышевы. Но после тех танцев и поцелуев Артем почти каждый день бывал у дома Вали, бродил перед окнами. Зябко ежился, сжимал-разжимал заледеневшие пальцы ног. Вызывать Валю не решался, но иногда она замечала его и выходила. Стояли возле изломанных штaketин палисадника, натужно разговаривали, привыкая друг к другу, и Артему уже не было холодно. Наоборот, обдавало жаром.

Встречались и в клубе. (Больше в деревне пойти было некуда.) Валя при людях вела себя с Артемом почти как со своим ухажером – брала под руку, смотрела с теплой улыбкой, всегда

готова была с ним танцевать. Парни – Болт, Вица, Глебыч – подмигивали Артему, кривили в двусмысленной улыбке губы.

Как-то, когда оказались на крыльце без Вали, Глебыч спросил:

– Ну как, подходящу телочку подогнали?

Артем уже успел привыкнуть к Вале, может, уже любил ее. Поэтому такие слова покоробили.

– В каком это смысле?

– Ну, дала уже, нет? – И, заметив, как исказилось лицо Артема, Глебыч сменил тон: – Да не, она девчонка нормальная. Слабая только на, эт самое... Ладно, Тяма, давай накатим.

Полилса в измятые пластиковые стаканчики спирт, парни заговорили о том, что делать после танцев: «Можно кастрик на пруду запалить, посидеть». – «Давайте, картошки только надо». – «Да, картофана напе-ечь!» И Артем слегка успокоился... Постоял рядом с ними, выпил немного и незаметно вернулся в клуб.

Наблюдал в полутьме за Валею. Она сидела на лавке, разговаривала с девушками; ее что-то спросили, она усмехнулась и мотнула головой, золотистые завитые локоны качнулись, подумала, стала отвечать, судя по выражению лица, оправдываясь. «Обо мне, что ли?» – подумал Артем, и неприятно засосало в груди; он словно слышал, как она раскрывает их секрет. «А что раскрывать-то? – поймал себя. – Нечего».

Звучала красивая мелодия, хриловатый женский голос пел по-английски. Никто не танцевал – в деревне не очень-то любят медляки, и вообще парни с девушками на танцах почти не общаются, вроде бы даже не замечают друг друга. Зато потом, когда клуб закрывается, разбиваются на пары и куда-то расходятся.

Так произошло и в эту субботу, и Артем с Валею тоже пошли вместе. В сторону ее дома. Было прохладно, громко хрустел под ногами оплавленный солнцем, а теперь заледеневший снег; влаивали за воротами собаки и тут же, убедившись, что люди идут мимо, замолкали.

– Валь, – не выдержав, остановил ее Артем, повернул лицом к себе, – я хочу с тобой быть... Хочу тебя.

Она серьезно улыбнулась.

– Подожди немного.

– Что подождать?

– Пойдем.

Артем хотел было опять остановить ее, обнять, начать целовать, но обещание сулило большее. И он пошел за Валею.

У калитки она сказала:

– Побудь здесь, я узнаю...

«Что узнаешь?» – собрался раздраженно спросить Артем. Не стал, послушно прислонился к штакетнику, смотрел на черные пятна домишек за белым пятном пруда, на редкие желтые и синеватые квадраты окон. Было тихо и мертво, и, казалось, на всей земле сейчас так – холодно, тихо, безлюдно. Тоскливо... Если бы не надежда на возможную скорую близость с девушкой, Артем опустил бы на корточки и заскулил. А потом завалился на бок, закрыл бы глаза и медленно, представляя во сне лето, городской какой-нибудь скверик, замерз.

Тонко пропела дверь в глубине двора, потом захрустел обледенелый снег и послышался шепот Вали:

– Ну-ка пошел в будку! Давай-давай быстро! Ну-ка, Трезор... – И, так же шепотом: – Артем, заходи.

Он вошел, стараясь рассмотреть, где Валя, где будка с собакой...

– Иди к бане, – шепот-приказ. – Прямо вон дверь.

Захрустел по двору. За спиной – шаги Вали, звяк цепи и собачье ворчанье.

– Тихо, сказала!..

В предбаннике было тепло, пахло шампунем, ошпаренными березовыми листьями, мокрым деревом... Артем почувствовал резкое, как удар, возбуждение. Даже стоять стало тяжело; он нащупал в темноте лавку и присел...

Заскочила Валя, набросила крючок на петлю.

– Свет не будем включать, – сказала тихо, словно ее могли услышать в доме. – Тут свечка где-то... сейчас... Раздевайся пока...

С тех пор этот предбанник стал единственным местом, где случалась их близость. Чаще всего в нем было холодно (баню топили раз в неделю), поэтому одежду не снимали. Артем приспускал джинсы, а Валя задирала к груди юбку... Но и тогда, когда в предбаннике бывало тепло и как-то даже уютно, увидеть девушку обнаженной Артему не удавалось – она не зажигала электричество, всё происходило при желтоватом пёрышке короткой свечи.

И знакомство родителей, так или иначе узаконившее их положение жениха и невесты, не изменило характер встреч. Встречаться для секса, кроме предбанника, было негде: у Вали в трех комнатах без дверей жило четверо человек – кроме нее самой еще мать с отцом и бабка лет восьмидесяти. На лето старшие Валины сестры привозили своих дочерей и часто наезжали сами; Валя в это время спала на веранде. А вести ее к себе Артем даже не предлагал. Конечно, мечтал оборудовать летнюю кухню под жилище, сделать своей комнатой, но понимал, что это лишь мечта: сам он не умел ремонтировать, строить и перестраивать, отец же, узнав о скорой свадьбе, стал мрачен, Артема почти и не замечал. Словно Артем его предал...

Как-то, после одной из торопливых, опасливых близостей, когда сидели рядом на лавке, Артем спросил... Это было дней пять спустя после визита его родителей к Тяповым...

– Валь, а у тебя много было парней?

Он почему-то был уверен, что ее не обидит этот вопрос, а не задать его уже не мог – давили ухмылки пацанов, горестные намеки бабки Татьяны.

– Да, много, – спокойный голос. – А что, тебе уже наговорили?

– Ну... Почти... И, знаешь... – Артем запнулся, подбирая слова, – хочется знать... Свадьба скоро, и... Будет у тебя с кем-то потом? Или как?.. У меня вот до тебя никого не было... Так, случайности всякие. Да и то...

– Можешь считать, что у меня тоже случайности, – оборвала его Валя. – Случайности. В городе их могут не замечать, а здесь всё сразу... Во все стороны растекается. Скучно людям, вот и пережевывают чужое. – Она взяла со стиральной машинки какую-то тряпку, вытерла промежность; Артем поморщился, отвел глаза. – А как без этого?.. Я люблю секс, хочу семью, ребенка. И случайности эти... Нет, – ее голос стал жестче, – это не случайности, я соврала. Со всеми, с кем была, собиралась на всю жизнь. Но... Короче, или бросали, или садились, или убивали их. У нас тут много убивают. Летом особенно. Двух парней у меня зарезали... Уезжают многие. Девчонки тоже уезжают, замуж некоторые выходят. И тут выходят, даже, бывает, удачно. А у меня вот не получалось никак. И не уехала никуда, пробовала... Сестры устроились в городе, а мне помочь... Ну, у них мужья, дети, квартиры тесные... А-а... – Валя бросила тряпку обратно, улыбнулась Артему. – Что, одеваться будем, или еще?..

С какой-то брезгливой страстью, молча Артем полез на нее. Невеста легла спиной на узкую лавку, задрала ноги.

Глава девятая

После Пасхи, недели за полторы до свадьбы, Николай Михайлович пересилил себя – загасил в душе обиду и злобу на сына. Что ж, ничего нельзя теперь изменить; не заставляй же не жениться. Взрослый все-таки человек. Но где жить, на что жить?.. И Николай Михайлович решил поторопиться с домом.

Денег было в обрез, поэтому решили продать гараж. Узнали цены и немного приуныли – средняя стоимость не превышала тридцати тысяч.

В городе как раз начали строить два больших подземных бокса, естественно, с отоплением; землю для кооперативов выделяли легче, чем раньше, да к тому же доступными стали металлические ракушки – их ставили те, кто ездил лишь в теплое время года, женщины в основном.

– Что, продаем? – вернувшись из очередной поездки в город, спросил Елтышев жену и сына. – Двадцать семь тысяч дают и оформление документов берут на себя.

– Ох-хо-ох, – вздохнула жена, – а что делать? Не сюда же его перетаскивать... А так – закажем бруса, цемент купим.

– Ладно-ладно. – Николай Михайлович устал уже от планов, и слова «цемент», «брус», «кирпич» даже во сне слышались. – Значит, продаем. Я предварительно договорился.

– Продать-то дело нехитрое, – заскрипела тетка, – а вот купить...

– Теть Тань, можно мы сами!..

– погоди, – в свою очередь перебил жену Николай Михайлович, обратился к старухе: – Ну а вы что предлагаете? А? – И прищурился, точно всерьез ожидал от нее мудрого совета, да и, кажется, в глубине души действительно ожидал.

Но тетка только отмахнулась медленно иссохшей узловатой рукой, устала в окно, за которым в запущенном палисаднике торчали прошлогодние стволы крапивы.

– А ты что скажешь? – обратился Елтышев к сыну.

– Я?.. Ну не знаю.

– А что ты знаешь вообще?! Хм... Ладно. Значит, продаем и начинаем строиться. Так? Жена и Артем закивали.

Стараясь не замечать осуждающе-скорбные взгляды старухи, выходявшей посидеть на лавочке возле сенок, Николай Михайлович ломал крайнюю слева стайку, где когда-то, очень давно, судя по всему, жили свиньи...

Стайка была засыпной, и как только Елтышев отдирает доски, изнутри стены вываливались иссохшие, спрессованные куски опилок, глины, истлевшие перья, солома и, упав на землю, рассыпались, превращаясь в душащую пыль. «Из всякого мусора строили», – морщился Николай Михайлович, и в голове невольно возникала большая крестовая изба из желтого бруса с горячей на солнце жестяной крышей... Шифером крыть не будет, сейчас железо хорошее есть; можно под черепицу.

Сын помогал, но – как всё, что он делал в жизни, – вяловато, нескладно. Натыкался на гвозди, занозил пальцы, шикал, укал... Не так раскладывал доски.

– Да эта еще пригодится, куда ты ее в трухлявые ложишь?! – сердился Николай Михайлович. – И гвозди вытаскивай или загибай хотя бы.

Правда, работа увлекала, и на душе Елтышева светлело, появился даже азарт, какой он, редко физически работавший, давно не испытывал.

Но разборка стайки двигалась медленно, и через несколько дней азарт сменился чуть ли не отчаянием – вот расчистят место для дома (еще предстоит снести дровяник и угольник, точнее, на другое место перенести), а дальше нужно копать яму для подпола, заливать фунда-

мент... Да, похоже, даже если материалы все будут в достатке, за одно лето не поставить дом... Людей приглашать? А кого? Юрку разве... Нет, людей-то можно найти, только чем расплачиваться? Но если будут деньги, то всё же кто поможет?

Николай Михайлович стал перебирать в уме деревенских мужиков. За полгода он успел ко многим присмотреться и поделил их на две части. Большая – существующие кое-как, в убогих избушках, вечно полупьяные, проводящие дни или на скамейках возле калиток, будто немощное старичье, или, с приходом тепла, на берегу пруда, над которым зависли жутковатые остатки сгоревшего заводика... Меньшая часть жила в крепких, на многие поколения, избах; усадьбы таких мужиков огорожены высокими глухими заборами, во дворах – молчаливые, но страшно злые собаки: не лают попусту, а сразу рвут, если кто сунется...

Эти, из меньшей части, постоянно возились в своих оградах, держали свиней, коров, кроликов, привозили откуда-то мешки с кормами, по улицам ходили быстро, вечно спеша. Такие, казалось, ни за какие деньги не пойдут корячиться на чужом дворе, разве что, может, помогут бревна на верхние венцы закатить, а бездельники наверняка с готовностью согласятся, но так наработают, что больше напортят...

Трухлявые доски и столбики сразу пилили на дрова, а более-менее крепкое откладывали на всякий случай – на опалубку, например. Бензопилу Харины так и не принесли – всё никак их контейнер не мог прибыть. Но делать было нечего, тем более что муж Харин устроился лесником (по крайней мере, сам так объявил) и обещал помочь с жердями, слегами, бревнами: на его участке как раз начиналось обновление противопожарных полос. «Много там добрых сосен под срез наместили». Николай Михайлович в виде аванса заплатил Харину пятьсот рублей – для подпола свежие бревна были необходимы, а подпол он планировал сделать в ближайший месяц.

Девятое мая отметили семьей. Ели и выпивали молча, чувствовалась напряженность; при всем желании Николай Михайлович не мог заулыбаться, хлопнуть сына по плечу, сказать: «Да ладно, брат, всё будет нормально!»

Погода в этот день стояла солнечная, припекало, и тянуло идти на улицу, взять выдергу. Стайки уже не существовало – лишь слой мусора и окаменевший свиной навоз. Дровяник стоял без крыши, но его дальнейшая разборка застопорилась – тетка с тихим упорством настаивала, что сперва надо построить новые дровяник и угольник: «А дожди пойдут, и где топливо брать сухое?»

Умом Николай Михайлович соглашался с ней, а душа требовала скорее сломать старое, строить дом. Да и не было материалов для новых дровяника и угольника – не из гнильи же лепить...

– Рядышком где надо поставить, – и сейчас, за праздничным столом, стала капать старуха. – Далёко-то я не могу – у меня ноги плохие...

– Да зачем вам за углем ходить? – возмутилась Валентина. – Коля есть, Тёма.

– Е-е, – безнадежный, неверящий вздох.

Николай Михайлович помрачнел еще больше, наполнил стопки:

– Ну, за праздник...

Настроение тетки Татьяны передавалось и ему, заставляло сомневаться в каждой мелочи, и то и дело тяжелыми лапищами сдавливали мысли о скорой свадьбе сына. Неожиданной, скороспелой, неправильной.

С горем пополам договорились со сватами, где будут свадьбу эту справлять – во дворе у Тяповых. Двор просторный, ровный; вынести столы, всех рассадить (почему-то сваты предполагали, что гостей будет много). А завтра утром нужно ехать в город за продуктами, уже и список составили, что купить. Два тетрадных листа получилось...

Гараж Николай Михайлович продал быстро, на оформление документов ушло часа полтора, и теперь в подзеркальной тумбочке лежали двадцать семь тысяч. Завтра часть их потратится. Да и разве большие деньги это по нынешним временам? Кубометр бруса, Елтышев узнавал, почти полторы стоит. На дом нужно венцов пятнадцать минимум. По кубометру на венец. Пятнадцать на тысячу пятьсот... Двадцать две пятьсот... Но лучше все-таки из кругляка – дешевле. Хотя... Посоветоваться надо с людьми...

Самое неприятное было в том, что до сих пор не определилось, где Артем с женой будут жить. Этот вопрос обе стороны обходили стороной. Боялись скандала.

Через два двора от Елтышевых стояла брошенная избушка. Николай Михайлович как-то сходил, осмотрел ее, надеясь подремонтировать, приспособить под жилье на первое время, но надежда быстро погибла – один угол сруба совершенно сгнил, и избушка завалилась набок, держалась кое-как пока на голимой трухе.

Двенадцатого мая утром Николай Михайлович отвез сына с невесткой в Захолмово. Там они расписались. Сопровождала их одна из сестер Валентины, немолодая уже, рыхло-полная бабенка с волосатым подбородком. Всю дорогу Елтышев с неприязнью и любопытством поглядывал на нее: «Преподнес бог родственничков». Впрочем, вида не показывал – все-таки торжество. Да и природа радовала как могла. Небо было по-весеннему высоким и чистым, деревья покрылись нежно-зеленой листвой. Коровы на ближнем к деревне лугу с аппетитом, после месяцев сена и комбикорма, жевали только что вылезшую траву. В огородах рычали тракторы, распахивая влажную землю...

Возле тяповских ворот уже ждали. Человек пятнадцать. Жена Николая Михайловича стояла рядом со сватьей, обе широко улыбались, но в глазах была тревога и озабоченность. Отец Валентины, не просыхающий, видимо, с Первого мая, пытался собрать расплзающиеся меха баяна... В толпе Елтышев заметил и Юрку, приедетого, побритого, вместе с супругой – миниатюрной, стройненькой, будто и не рожала шестерых... Были неожиданно и Харины. Остальных же Николай Михайлович или не знал вовсе, или просто встречал на улице. В основном, наверное, родня и подруги невесты.

Только стали выбираться из машины, Тяпов заиграл, сбиваясь, на своем баяне, запел с хмельной разудалостью:

Вот ктой-то с го-орочки спустился,
Наверно, ми-илай мой иде-от!..

И быстро замолчал – пение мешало поздравлениям, вскрикам, объятиям, праздничной суете.

Расселись за переполненные едой и бутылками столы. Молодые были серьезные, даже мрачноваты. Особенно Артем – опускал глаза, старался не встречаться взглядом с родителями. Зато гости веселились на всю катушку. То и дело кто-нибудь, закусив очередной тост, начинал показно морщиться:

– А колбаса-то у вас го-орьякая!

И остальные тут же дурными голосами подхватывали:

– Горь-ко! Горь-ко!

Артем с Валентиной поднимались и целовались. Вроде бы смущенно, через силу. Как чужие...

Сейчас, имея возможность рассмотреть родителей, сестер невестки, Николай Михайлович отметил те общие черты, что делают родственников похожими. У отца Валентины были тяжелые, набрякшие веки; сначала Елтышев решил, что это от пьянства, а теперь видел – фамильное. И скулы тоже одни – островатые, массивные. Для мужика, может, неплохо, а жен-

щин портит. Старшие сестры Валентины были обе полные, приземистые, в мать. Сама Валентина еще сохраняла стройность, но это, скорее всего, до первых родов. От матери у дочерей был и нос – широкий, слегка вздернутый. По молодости довольно миленько, наверное, а лет в сорок... «М-да, родственнички, родственнички», – всё повторял мысленно Елтышев, и своя жена, сыновья представлялись сейчас настоящими аристократами.

Отец Тяпов после каждой выпитой рюмки порывался играть, ронял баян, ругался, сам чуть не падал. Потом встал со стула, качаясь, как прут на ветру, подошел к Николаю Михайловичу.

– Ну чего, сваток, – приобнял за плечи, – будем жить теперь? Эх, последнюю дочку выдаю, отпускаю. Выпьем?

– Куда уж пить тебе? – остановила жена. – Иди лежи там.

– Ну-к-ка! Последнюю дочь!.. И вот, – Тяпов, обращаясь к Елтышеву, ткнул жену в бок, – и вот с ей останусь тут догнивать. И с ее матерью. Двадцать лет тут живет у меня. Помирать пришла, а всё...

Жена тряхнула муженька-баяниста:

– Хватит молоть опять! Как дам ведь...

Николай Михайлович налил водки в первые попавшиеся рюмки. Пригласил как мог бодрее:

– Давай, Георгий Степанович, за всё хорошее! Чтоб у детей сложилось...

– Во-во! Эт правильно. Очень правильно! – И, забыв чокнуться, Тяпов бросил содержимое рюмки в рот.

Как обычно, пьянел Елтышев медленно. А сегодня и не пьянел вроде бы, а тяжелел душевно. С каждой рюмкой застолье становилось всё неприятнее, гости – какими-то случайными, ненужными. Раздражало, как жадно ест Юрка, без хлеба, как, не дожидаясь остальных, никому не предлагая, наливает водку и глотает, глотает... «Дорвался». Раздражали периодически взрывающиеся восторги в адрес погоды:

– Благодать-то какая! Это хороший знак: боженька свадьбу нашу солнышком благословляет!

– Да-да! Погода – прелесть, что и говорить!..

Николай Михайлович нащупал в кармане пиджака сигареты. Отошел к калитке. В закрытой широкой доской будке заворчала собака. «Собаку надо бы завести, – тут же кольнула мысль, – машина без призора ночами. Дождемся однажды...»

За столам опять стали скандировать:

– Горь-ко! Горь-ко!

Артем с Валентиной устало приподнялись, не обнимаясь, поцеловались кончиками губ. Гости захлопали, зазвенели бокалами и рюмками... «И где им, хм, первую брачную проводить?...»

– Николай Михайлович, – оказался рядом муж Харин, высокий, сухой, совсем не похожий на деревенского мужчину, которому очень пошли бы очки. («Да он ведь из города», – вспомнил Елтышев.) – Сигареткой не угостите?

Елтышев дал сигарету.

– И зажигалочку...

«Ни говна, ни ложки», – вспомнилось выражение, которое часто слышал от сержантов на дежурстве.

– Как там с пилой? – спросил.

– Да вот никак контейнер дойти не может! – с готовностью возмутился Харин. – Каждый день звоним, ругаемся. Не дай бог потеряли.

– Я уже подпол копать собрался. Молодых же селить где-то надо... Дом строю.

– Да-да, правильно. А вы руками, что ли, копать будете? Я могу с трактористом договориться. В Захолмове у меня приятель на «Беларусе» с ковшом работает. А? Полчаса работы.

– И сколько это будет стоить?

Харин как-то нервно дернул плечами:

– Так сказать не могу. Договоримся... В пару сотен, думаю, уложимся.

Глава десятая

После свадьбы что-то важное сломалось в семейной жизни. Надламывалось и раньше, постепенно: сначала посадили младшего сына, потом завели уголовное дело и уволили мужа, потом квартиру отобрали, а теперь – теперь вот и Артем, так долго державшийся за родителей, слишком долго, как казалось, всё продолжавший быть беспомощным ребенком, вдруг взял и ушел. Откололся. И в самый нежелательный для этого момент.

Поселился с женой у Тяповых во времянке. Зимовать там было холодно, но с мая по октябрь жить вполне возможно. Тем более нашелся обогреватель – старенький, тархтящий «Вихрь», выдувающий из зарешеченного отверстия струйку горячего воздуха.

У родителей Артем после свадьбы появлялся редко, да и то, кажется, лишь затем, чтобы взять денег...

Восемнадцатого мая приехал трактор и распахал огород. Отдали пятьдесят рублей и бутылку «Земской» водки... Земля оказалась песчаной, истощенной. Тетка сажала картошку из года в год, удобрять почву у нее сил не было – что-то собиралось по осени, и ладно.

Пришлось ехать к пустующим коровникам, набивать мешки перегноем. (Хороший нашли – целые кучи черного, жирного, даже не заросшего сорняками.) Хотели во время посадки бросать в лунку понемногу – какая-никакая, а подпитка.

Проходивший мимо мужичок остановился, спросил сердито:

– На огород, что ль, берете?

Николай выпрямился над мешком. Приготовился к перепалке:

– А что, нельзя?

– Да можно. Только соленый он – хуже сделаете. – И объяснил, где есть нормальный перегной и навоз.

Опростили мешки, поехали туда, куда указал мужичок.

– Есть еще хорошие люди, – шептала Валентина Викторовна, – спасибо ему...

На следующий день сажали картошку. Пришел и Артем, копал лунки, в которые Валентина Викторовна бросала морщинистые, с бородачкой ростков клубёшки... Николай копал лунки в другой части поля, сам бросал картошку, присыпал землей. Иногда обращал внимание на работу сына и сердился:

– Ну у тебя глаза есть или как? Чего кривишь-то так? И на равном расстоянии лунки делай, не части...

Тетка сидела во дворе, перебирала вынутую из подпола картошку, отыскивая более-менее крупную на еду. До августа нужно будет питаться ею.

Закончив с картошкой, сделав жене парничок под огурцы и несколько гряд, Елтышев вернулся к строительству дома.

Доочистил квадрат десять на десять метров, наметил место для подпола – срыл землю штыка на три. Оказалась она вполне пригодной для посадок, и Николай Михайлович отнес ее в огород. Дальше пошел песок.

Копать было легко, но соблазнял обещанный трактор с ковшом: действительно, трактору здесь на полчаса работы...

Сходил к Харину, напомнил.

– Да, я узнавал, – закивал тот. – Он обещал в субботу. Аванс требует... на солярку.

– Сколько?

Харин оглянулся на стоящую сзади жену.

– М-м... Сотню.

– Не слабо солярка у вас стоит, – усмехнулся Елтышев, но делать было нечего, отдал деньги. – Жду.

– Да-да. В субботу.

– И с бревнами еще... Будут, нет?

Харин вроде бы слегка обиделся:

– Будут, конечно! Я помню, работаю в этом направлении...

В ожидании субботы Николай Михайлович съездил в город, купил на рынке пять мешков цемента по восемьдесят семь рублей. Гвоздей, подборную лопату, ножовку, электродрель, продуктов, сахара для варенья.

...В субботу трактор не появился. Уже по темноте, злой и уставший от впустую потраченного дня, Елтышев снова пошел к Харинным.

Калитку открыла Елена. Как всегда, радушно заулыбалась.

– Что-то случилось, Николай Михайлович?

– Муж дома?

– Нет, уехал.

– Куда уехал?

Елена спрятала улыбку:

– Какая вам разница?

– Мне – большая. – Елтышева стало поколачивать. – Он мне трактор пригнать обещал сегодня. При тебе обещал.

– А, да, да, кажется...

– И как? Где трактор?

Харина удивленно скривила губы:

– Почему вы это меня-то спрашиваете? И таким тоном?

– Слушайте... – Николай Михайлович поморщился, с усилием взглатывая. – Слушайте, что-то я вас не пойму. Пилу мне с февраля несете, бревна – с марта. Теперь – трактор. Я что вам, лох, что ли, только бабло отстегивать?!

– Вы не выражайтесь, пожалуйста, – тоже разозлилась Харина, – у меня дети во дворе.

– Да я скоро не только выражусь. Я мент – ясно? – и со мной опасно шутить. Я шуток не понимаю.

Харин пригнал трактор на другой день к обеду. С Елтышевым демонстративно не разговаривал; вопросы, где копать, на какую глубину, задавал тракторист. Был он уже порядком балдой, еле-еле втиснулся на своем «Беларусе» во двор («москвич» перед этим Николай Михайлович переставил на улицу, подальше на всякий случай), долго скреб ковшом сделанное Елтышевым до того углубление, густо дымил кривой прогоревшей трубой... Наконец ковш словно бы нашел в почве слабинку и стал зачерпывать... Ссыпал землю тракторист беспорядочно, и Елтышеву несколько раз приходилось указывать, куда именно сыпать. Тот утвердительно тряс головой, а потом опять валил то направо, то налево... И сама яма получилась кривой, ближняя к трактору стена – почти пологой.

Дождавшись, когда глубина стала метра три, Николай Михайлович скрестил перед собой руки: хорош. И тракторист с готовностью дал задний ход, напоследок врезавшись колесом в столб ворот.

– Да что ж ты делаешь?! – заорал Елтышев. – Дебил!

Тракторист чуть развернул «Беларус», выехал на улицу. И, уже не останавливаясь, будто убегая, помчался в сторону Захолмова.

– Рассчитаемся? – подошел Харин.

Усмехнувшись – «заговорил», – Николай Михайлович достал сторублевку.

– А еще одну?

– Я тебе одну уже отдал.

– Я помню. Но двести – трактористу, и сто – мне.

– За что?

– Как это за что? – изумился Харин. – Я ездил в Захолмово три раза, договаривался...

Елтышев не спеша, сдерживая себя, закурил. Посмотрел на Харина:

– А верни сюда этого, тракториста своего. Я спрошу, сколько ты ему обещал.

– Это мое дело.

– Ясно. В общем, запомни: разводить меня у вас больше не получится. – Он выдернул из руки Харина бумажку, сунул в карман. – Будут бревна, будет пила – будут деньги. Понял?

– Гм... Теперь и не знаю, как быть.

– Что ты не знаешь?

– Да что делать мне... Что в таких случаях делают. – Голос Харина стал глухим. – Пришел, жене стал угрожать... Милицейские порядки тут не пройдут, Николай Михайлович. Тут деревня. Таких тут не любят.

Раньше дал бы Елтышев за такие слова в грудак; так он и делал, когда служил. А теперь пришлось терпеть. Но кулаки чесались, действительно, физически чесались, словно комары накусали. Даже поскреб ногтями казанки. И четко, с расстановкой, сказал:

– Жду машину бревен и бензопилу, за которую уже заплачено. Получу – будем разговаривать. Нет – на себя пеняй.

Загнал «Москвич» во двор, стал возиться с воротами. Харин стоял и наблюдал, как Елтышев поправляет покореженный столб, волочет осевшие, хлипкие воротины, вставляет слегу в железные скобы... Наблюдал, что-то соображал.

Недели две Николаю Михайловичу казалось, что Харин вот-вот привезет обещанное – всё-таки рвать отношения никому не выгодно, – хотя бы необходимые именно сейчас бревна. Яма темнела, пугала, как вырытая могила.

Елтышев обложил ее старыми досками и бревешками, чтоб случайно никто не свалился. Чувствовал себя каким-то разорителем, особенно натываясь на взгляд тетки Татьяны – вот взял и изуродовал двор...

После ветра и за ним дождя кучи вокруг ямы покрылись зелененькими точками – что-то стало там прорастать.

В конце концов не выдержал, поехал в Захолмово на пилораму.

Встретили его равнодушно, поначалу вроде и не понимали, чего ему надо.

– Бревна есть? – спрашивал Елтышев.

– Да есть, конечно. Вон, целые горы...

– И в какую цену? Мне штук двадцать надо. Срочно.

– Бревна... – Мужики переглядывались. – Да мы их на доски распускаем.

– Мне надо бревна купить, для погреба.

– Ну, это надо у начальства спрашивать...

– А где начальство?

– Да где-то тут...

После долгих поисков Николаю Михайловичу удалось найти начальника пилорамы, и он тоже долго не мог взять в толк, чего от него хотят.

– Доски у нас в ассортименте, – перечислял упорно, – горбыль, брус...

– Мне бревна надо.

– Бревна не продаем... Бор же рядом.

– И что, – Елтышев нервно хмыкнул, – сосны ехать валить?

– Ну, договориться с кем, с лесничим... Нам невыгодно кругляк продавать. Мы доски можем, горбыль, брус, обрезь на дрова...

Вечером, вымотанный до предела, опустошенный, сидел Николай Михайлович в огороде. Лесничего он так и не отыскал, бревнами не разжился и впервые, встретив Юрку, сам позвал того выпить.

Пока брал дома закуску – жене сказал, что посидит с соседом на воздухе, – Юрка сбежал за спиртом.

Спирт оказался не такой уж ядовитый, с устатку даже приятный. После сотни граммов стало слегка полегче, но настроение не улучшилось. Смешанная со злобой досада обострилась.

– Вот полгода, больше, здесь прожил, – заговорил Елтышев, глядя на синеющие в густеющем сумраке верхушки сосен, – а никак не привыкну. К людям не могу привыкнуть. Хотя и мало с кем сошелся. Сначала как-то неприятно было, а теперь радуюсь: меньше, думаю, меня развели... Скажи вот, – повернулся к Юрке, – зачем этим Хариным так внаглую надо было меня нае... – удержался, не сматерился, – накальвать? Сначала бензопилу втюхивали, которой, видимо, и в природе нет. Две с половиной тыщи за нее отдал. Потом – бревна. Наобещать наобещал... Хм, лесником человек работает, мог бы за месяц как-нибудь...

– Кто лесником? – перебил Юрка. – Харин, что ли?

– Ну да, он мне еще в начале марта сказал, что устраивается. Бревен наобещал, взял деньги...

– Да никакой он не лесник, Михалыч! Дома сидит. Может, сулились ему, но не взяли.

Елтышев не мог поверить:

– Он мне сам сколько раз... Точно не лесник?

– Да точно. Я-то знаю. – Юрка быстро плеснул в стопки. – Вздрогнем? – И, когда выпили, сразу, не заедавая, стал объяснять: – Его понять можно, что так он... А на что им жить? Тем более с пятью детьми. Я вот местный, родни полдеревни, все чем не чем, а помогут. А им, приедем... На детские деньги живут, картофан едят сплошной. Вот и приходится... И большинство здесь таких... Мне вот, думаешь, приятно так... Не совсем же я скотина еще. А стыдно. Утром просыпаюсь, и чего? Чего делать-то? Тридцать девять лет, всё вроде умею, могу, а толку... Ну умею, в смысле, что тут в деревне требуется. Все работы перепробовал. И отовсюду знаешь, Михалыч, за что увольняли? Не за прогулы и это самое, – щелкнул себя по горлу, – а что место закрывалось.

– Ну, так удобно рассуждать. Я много такого наслушался, когда в трезвяке работал. Возможно же как-нибудь и в таких условиях человеком оставаться.

– А как? – закипятился Юрка. – Подскажи, если знаешь. Соболей у нас нету, чтоб промышлять, грибы, бруснику сдаем. И картошку скупщикам. Но это копейки всё. А так... Ну вот как мне детей содержать?... Один тут у нас, Мурущук такой, решил, когда можно стало, всерьез решил гусей разводить. Штук двести пятисуточных купил, комбикорма сколько-то там мешков. Вырастил, на пруд стал выгонять. Весь пруд белый был... Ну, первый год хорошо, правда, с десяток то ли украли, то ли еще... Не знаю. Но, в общем, забил, сдал. Молодняк подрос. Ну, думаем, вот и фермер у нас появился... А на следующий год взяли и все его гуси передохли. Жег их потом в огороде. Жег-жег и сарай подпалил. Под мухой был, наверно. С сарая – на гараж, там машина... В общем, сгорело всё... Года два в бане жил – баня у него в стороне стояла, у пруда, она только и уцелела, – пил по-серьезному, жена убежала. Потом парализовало его, случайно обнаружили, а так бы с голоду помер... Увезли куда-то, не знаю... Такой вот фермер был у нас... Да и, – Юрка снова налил в стопочки, – да и где денег взять на начало? На гусят этих или еще на что? Тут сотня появится – и то счастье.

– И ты ее пропиваешь скорее, – добавил Елтышев.

В глазах Юрки блеснула обида.

– Ну, пью, допустим, я на дарма обычно. Из семьи ничего никогда не ташил... Зря ты так... – Он пошевелился на штабеле досок; Николаю Михайловичу показалось, что Юрка собирается уйти, но вместо этого он взял стопку и выпил.

Елтышев тоже выпил. Закурил. Довольно долго молчали.

– Ладно, Юр, я не со зла. То есть со зла, но ты ни при чем... – Мысли Николая Михайловича путались, слова трудно приходили на язык. – Посоветуй, что с этим Хариным делать. Как деньги вернуть? Три тысячи должен. За пилу, за бревна.

– М-м, не слабо... Зачем давал-то вперед?

– Поверил.

Юрка хехекнул, и Елтышеву тоже вдруг стало смешно, что его, вроде бы тертого мужика, так облапошили. Раз и другой.

– Что, – со злой веселостью сказал он, – видно, придется вышибать. Думают, лоха нашли... Не-ет, со мной такое не пройдет. – И обрадовался, что говорит это при Юрке: «Пускай передаст».

– Да, надо вернуть деньги, – согласился тот, – это святое. Но, может, выполнят еще... Пила-то у них есть, материалы привозят. Строят что-то в ограде.

Глава одиннадцатая

Медовый месяц получился совсем не медовым...

Большую часть дня Артем проводил в тесной времянке с одним тусклым оконцем. Лежал на кровати, прислушиваясь к шагам во дворе, голосам. Выходить, включаться в чужую жизнь было неудобно и неприятно... Когда Валя звала есть, Артем поднимался, шел. Тихо садился за свое место, стараясь не глядеть по сторонам, пережевывал что давали.

Питались Тяповы не очень разнообразно. Картошка, в основном вареная, гречневая и рисовая каши, соленое сало с толстой кожей, иногда мясо с подливкой, много белого пористого хлеба, соленые огурцы, переквашенная капуста. Почти каждый день на столе появлялись ломти соленого арбуза – на вкус Артема, редкостная гадость...

В доме обитала примерно того же возраста, что и бабка Татьяна, старуха. Может, еще древнее. Она тоже говорила мало, сидела на табуретке в одном и том же углу, глядела тоскливо и скорбно выцветшими, словно бы покрытыми бельмом глазами. Как ее звать, Артем до сих пор не понял – родители Вали называли ее «мать», а Валя, ее сестры и их дочери старуху вроде бы не замечали...

Почти каждый вечер, выбрав момент, когда Артем находился один, во времянку заходил Георгий Степанович. Оценивающе оглядывал помещенье, спрашивал:

– Ну как оно, обживаешься?

Артем кивал.

– И добро, давай-ай... Желания нет пропустить по капле?

– Да так. – В общем-то Артем не был против. – Денег нет.

Чаще Георгий Степанович сочувственно вздыхал, для порядка еще говорил что-нибудь и уходил, а случалось, доставал из кармана старенького пиджака бутылку:

– У меня имеется.

Выпивали или здесь же, или на заднем дворе, устроившись на чурбаках и отгоняя кур от закуски. Закуска состояла из хлеба и перьев лука-батун.

В начале питья Тяпов любил рассказывать о прошлом:

– Я же один во всей деревне на баяне умею. И раньше тоже... Как что – ко мне: «Поиграй, Жорушка!» И подогревают стаканчиком, накормят потом до отвала... А когда молодым был, ох, хорошо-то!.. Песен знал тыщу – и душевные, и блатные, солдатские... Парни, даже кто старше, уважали, девки висли гроздьями. Даже, знаешь, дрались за меня!.. Да-а, каждый вечер праздником был. Спать, как ты вот, некогда было. Днем работаю, потом помоюсь, рубашку наброшу, баян под мышку – и гулять. К трем-четырем домой приползаю. Подремлешь до семи, а там снова работать... Ох, покуражился, конечно, есть что вспомнить.

Когда в бутылке оставалось с треть, тема менялась – тесть сбивался на настоящее:

– Да, Артемка, а теперь только вспоминать. Вот, видишь, как совпало – и возраст такой, и времечко, когда всё покатило черт-те куда... У нас же тут вот пошивка стояла, и я на ней, считай, всю жизнь. Грузчиком, сторожем... Мешки шили простые, но все-таки. И польза – кто-то же должен шить мешки... А теперь... Всё было, да всё прошло. Сколько девок разных вилось, а женился вон... Сержант-сверхсрочник какой-то, а не женщина... Эх, Артемка, почестному, так же, как и у тебя, получилось: жих-жих случайно, а потом объявляет, что залетела. Жениться пришлось. А гуляла до меня – дай боже! Но девки вроде на меня похожи. А, похожи?

Артем кивал, глядя в замусоренную щепками землю. Такие параллели ему не нравились, и любовь к Вале – точнее, то чувство, которое он считал любовью, – грязнилось, грязнилось... И странно было, зачем тесть ему это рассказывает.

– Жалко, что девки одни нарождались. Все три. Скучно без сына. Ты хоть не подведи, заделай мне внука. Рыбачить с ним буду ходить. На баяне научу...

Если Георгий Степанович перебирал, в нем просыпался первый парень на деревне. Он заламывал на затылок кепку, надевал баян и приставал к жене. Какие-то ее грехи вспоминал. Несколько раз Артем становился свидетелем их драк. Нет, дралась жена, била костяшками пальцев Тяпова по голове, а он матерился, смеялся, повторял, что она ему всю жизнь поизгадила.

Валя скорее уводила Артема во времянку, включала старенький кассетный магнитофон. Выбор музыки был невелик – несколько кассет с песнями, популярными лет десять-пятнадцать назад. Вроде «Комбинации», «Миража», Влада Сташевского... Сделав звук погромче, Валя устало прилегалась на кровать, поглаживала ладонью низ живота, а со двора доносились обрывки вскриков, пьяного хохота, пiski баяна.

Вскоре после свадьбы отношения Вали и Артема стали меняться. Вместо волнения и возбуждения той почти тайной близости в предбаннике появилась размеренная упорядоченность. В их распорядке были и вечер, и ночь, и утро. Но это не радовало. Наоборот, то и дело вспыхивало раздражение тем, что они постоянно рядом, хотя еще друг к другу по-настоящему не привыкли. К тому же Валя стала отказываться от ласк. Ссылалась на беременность, на неважное самочувствие.

– Я слышал, это вначале бывает, – говорил Артем. – Тошнота, токсикозы... У тебя же не было?

– Было. Я старалась виду не подавать.

– Гм, интересно. А теперь не стараешься? – И у Артема возникало ощущение, что его обманули.

Валя прижималась к нему, целовала, но как-то, казалось, по обязанности.

– Ну что ты, – шептала жалостливо. – Я за маленького боюсь, это опасно уже, ведь пятый месяц. Потерпи, ладно?

Ложились на узкую панцирную кровать, обнимали друг друга, закрывали глаза... Заснуть в таком положении было трудно, поэтому через несколько минут поворачивались друг к другу спиной, тяжело, натужно вползали в сон...

Утром Артем пытался вспомнить, что ему снилось, но ничего не вспоминалось. Черная полоска забытья. И просыпался неосвеженным, как будто спал полчаса.

А дни, пустые, долгие, проходили у него в размышлениях.

Парни, имевшие отношения с женщинами, всегда представлялись ему словно бы выше его, заранее сильнее. Ведь для того, чтобы овладеть женщиной, нужно обладать чем-то особенным, необыкновенным, чего у него не было. И все его юношеские попытки сдружиться с девушками, добиться секса заканчивались быстро и плачевно – девушкам достаточно было перебраться с ним несколькими фразами, чтобы узнать в нем того, кто этим особенным и необыкновенным не обладает. И они теряли к нему интерес. Раза три или четыре благодаря выпивке неуклюжее общение перерастало в близость, но опять же заканчивалось неудачей; кроме стыда от этих близостей, ничего у Артема не оставалось.

Когда уединение в предбаннике стало у них с Валею повторяться, Артем наконец-то почувствовал себя равным многим мужчинам, брату, который, хоть и был младше на два года, повзрослел намного раньше. Но теперь, спустя полгода, Артему частенько казалось, что, может, лучше бы их с Валею знакомства не случилось. Или близость так далеко не зашла. Теперь его одиночество и та мучительная тоска вспоминались как нечто светлое, сладостное, невозвратное.

Неприятно было все чаще и чаще видеть выражение страдания на лице жены; неприятно было, как она придерживает, будто охраняет, почти еще и не обозначившийся живот. Но всего неприятней было ощущение своей запертости здесь, в этой времянке, в этом дворе, где любое его появление встречается лаем до сих пор не привыкшего к нему Трезора... Никто, конечно,

не запирали Артема, не сторожил – запирали и сторожили сознание, что он теперь должен быть рядом с женщиной, которая стала его женой. Да и куда было идти? К родителям, где он был заперт до этого?

К родителям его приводило отсутствие денег, ну и слабое желание помочь по хозяйству.

– О, к нам гости! – кажется, издевательски восклицал отец. – Ну, проходи, рассказывай, как медовый месяц.

«Медовый месяц, – про себя повторял Артем. – Дайте пять тысяч – будет медовый».

Вместе с отцом поставил новый сортир; тупо глядя в яму во дворе, слушал возмущения по поводу того, что Харины не исполнили своих обещаний – ни пилы, ни бревен, а яма, вон, осыпается; печку надо в бане срочно менять, полоч новый сколотить, а досок нет подходящих, да и вообще всю бы баню надо новую и хотя бы фундамент дома до осени залить...

– Да, надо, – соглашался Артем, но по-настоящему не верил, что они в силах что-то здесь, среди этого старья, изменить... Над сортиром бились четыре дня, и получился он кривоватым, низеньким, тесным – отец объяснил это отсутствием подходящего материала, но дело было скорее в их неумении строить... М-да, одно дело – сортир, а другое – дом, баня...

Событием для родителей стала покупка щенка лайки у школьного учителя труда. Купили за символические двадцать рублей, специально сучку, на развод, назвали, не выбирая долго, Дингой. Несмотря на щенячьи два месяца, оказалась она уже всерьез злобной, знала свою обязанность охранять территорию внутри ограды, умела отличать своих от чужих. Артема она встречала ворчанием, переходящим в тонкий, но сердитый лай, пыталась схватить за ногу.

– Молодец, Динушка, – хвалил отец и трепал ее за складчатый загривок, – хорошая хозяйка растет.

Понимая, что это глупо, Артем все-таки обижался: «Нашли замену... Теперь и домой не прийти... И там лают, и здесь...» И, вроде бы играя с лайкой, он растравливал ее, чувствительно шлепал по морде, тыкал в бок, подсекал носком ботинка лапы. Динга взвизгивала, отскакивала, но тут же старалась отомстить, с неумелым рычанием бросаясь вперед.

Главное, что тяготило, – конечно, отсутствие денег. Имел бы он деньги... Но о больших деньгах старался и не мечтать – мечты выматывали хуже самой тяжелой работы, – а сотню-другую можно было перехватить лишь у родителей.

Просить Артем стеснялся. Нет, не то чтобы стеснялся, а опасался услышать в ответ что-нибудь резкое и обидное. Видел, как они экономят каждый рубль, надеются обустроиться на этих сотках, только этим, казалось, и живут.

О семейных делах родители с Артемом почти не разговаривали: задавали вопросы, но ответа не требовали – видимо, не хотели услышать его жалобы, боялись сорваться на упреки и запоздалые обвинения. Да и о чем было здесь говорить? Всё ясно и так. Непонятно только, как дальше жить.

– Нам, это, – медленно, с трудом начинал Артем о том, зачем пришел, – нам в консультацию завтра надо. Ну, насчет ребенка... Проверить.

– И что? – понимая, к чему это говорится, все же спрашивал отец.

– Ну, на автобус... денег нет совсем. До города и обратно...

– Что-то часто она в консультацию, – замечала мать. – Не в порядке что с плодом?

– Да не знаю... Но какие-то проблемы. Угу...

На самом деле в консультацию, да и то не в город, а в Захолмово, где было гинекологическое отделение, они ездили всего два раза. А деньги под это Артем брал уже раз пять. Поэтому и мялся, и боялся, отводил глаза.

Просил денег и просто на продукты. Родители ворчали, но все же давали. Он шел в магазин, покупал чего-нибудь вкусного (картошка уже не лезла), точнее, разнообразного. Конфет, вафель, халвы, колбасы, макарон, апельсинов... Увидев это на столе, Георгий Степанович

изумлялся: «Праздник, что ль, какой?» – и не стеснялся налегать на деликатесы. Позже Артем стал сразу уносить их во времянку, ел сам и кормил Валю. Она не возмущалась, что не несет продукты на общий стол.

Уже в середине лета, при очередной просьбе дать немного, отец сказал пугающе сухо, что означало – он на грани бешенства:

– Слушай, сын, не пора ли уже, в конце концов, самому подумать, как семью содержать?

Артем сжался, отвел глаза. «Ну вот».

– Я с пятнадцати лет самостоятельно начал жить, в училище поступил, подрабатывал вечерами. Потом завод, потом армия... Ты-то до каких пор в ребеночках будешь ходить? У самого дите вот-вот появится, а всё... – Отец постепенно распался. – Что, мне тебя до пенсии твоей, что ли, кормить?! И всех остальных?

– А что делать-то?! – не выдержал Артем, чуть не впервые открыто заспорил с ним. – Где здесь работать? Привезли в... хрен знает куда, и что?!

Увидел побелевшие глаза, замолчал.

– Та-ак, тебя, значит, привезли... Двадцать пять лет человеку! А! – отец усмехнулся, обращаясь к матери и бабке (те подтверждающе покивали). – Привезли его! Валялся потому что в комнате круглыми сутками, вот и привезли. Бездельник ты, вот что. И женитьба тебя не изменила. Другой бы каждый день меня тормошил, чтоб дом строить, семью свою как-то устраивать, а ты...

– Давай строить, – подхватил Артем, – я не против. Давай.

Отец поднялся, быстро ушел в комнату, чем-то громыкнул и вернулся с пачечкой денег. Бросил на стол:

– Вот десять тысяч. Строй. Езжай, покупай кирпич, цемент, доски, железо. Давай строй, а я помогу. – И пальцем подпихнул голубовато-белые бумажки в сторону Артема.

Мать сидела странно тихая, не останавливала беснующегося отца, ничего не предпринимала. «А ведь это ее идея была, сюда нам...» – вспомнил Артем и почувствовал к матери что-то похожее на ненависть; ненавидеть отца боялся.

– Ну что? – И деньги оказались еще ближе к Артему. – Мы с матерью уже старые, мы и тут как-нибудь доскрипим... Строй, переселяй женушку, ребенка. Все в твоих руках.

– Ладно, пойду. – Артем медленно поднялся и, ожидая, что его остановят, потребуют сесть обратно и что-то в итоге решится, пошел на улицу...

«Хорошо, что не курю, – неожиданно порадовался, ощупывая пустые карманы, в которых не было даже мелочи, – а то бы вообще хоть вешайся».

На следующее утро к Тяповым пришел отец. Вызвал Артема. Присели на траву у пруда. Долго молчали, глядя в стороны, за деревню, на покрытые осинником невысокие горы. А может – слепо смотрели, выжидая время.

– Тяжело нам, – хрипнул отец и прокашлялся. – Тяжело, вот и срываемся. С мамой что-то, заметил? На себя не похожа стала... Не знаю, что делать. Тупик какой-то. И сил нет... Думал, переедем, зиму перекантуемся, а по весне начнем. Быстро, дружно. И новую зиму в новом доме встретим. Ну, – вздохнул тяжело и действительно как-то бессильно, – ну что об этом... Я всю ночь не спал, все варианты перебрал. Сегодня с мамой поговорили. Может – ты только правильно пойми, – может, тебе в милицию устроиться? А? Подумай... У меня связи остались все-таки, поговорю. А ты и в армии отслужил, тридцати еще нет. Должны взять. Сутки дежурить, потом двое-трое здесь. Люди так работают... Или общежитие там есть. Может, удастся... Надо как-то из положения этого выходить. Подумай, а?

Артем не знал, что ответить, – предложение было неожиданным и диким. В школе доставалось ему за то, что отец его – мент; только когда Денис вошел в силу, пацаны успокоились... Но это предложение обещало просвет впереди, слабый, правда, но все же... Слава богу, отец не давил:

– Больше ничего пока в голову не идет... Пока – вот, – достал из нагрудного кармана рубахи пятьсот рублей, – держи. Не транжирь только сильно... Сам понимаешь... И завтра приходи пораньше, поедем пиломатериалы заказывать. Что там дальше, а за дом надо браться. Добро?

– Добро, – машинально повторил Артем и, придя в себя, добавил бодро: – Да, конечно. Давай.

Глава двенадцатая

Числа с десятого июля ббльшая часть деревни целые дни проводила в бору. Сначала брали назревшую в логах жимолость. Те, у кого были мотоциклы и автомобили или был доступ к тракторам, забирались дальше, в отроги Саян, где уже начиналась тайга. Там, по горным ручьям, жимолость росла крупная, тугая. Часа за два ведро можно было набрать.

Вечерами, сигналия, по улицам ездили скупщики, предлагая за ведро сто или сто двадцать рублей. Многие продавали, остальные возили ягоду в город на рынок, торговали там (правда, продать за день не всегда получалось, ягоды было много) по сто пятьдесят – сто семьдесят рублей...

Чуть позже жимолости появлялись грузди. Сначала сухие – ценились они не очень высоко, но лезли из мха бесчисленно, их собирали с радостью: продашь не продашь, но хоть самим в зиму еда. Солили в банках или кадках; были семьи, где только ими от голода спасались... После сухих наступало время настоящих груздей и рыжиков. Эти и на рынке ценились, и скупщики за ними охотились. На грибной сезон отпирали стоящий у магазина сарайчик заготконторы, но принимали там дешево, на вес (килограмм – семь рублей), зато брали и червивые, и изломанные. В заготконтору шли в основном местные алкаши, чтоб заработать на пол-литра, или одинокие старухи.

А к сентябрю поспевала и брусника: в бору – мелковатая, редкая, которую приходилось брать руками; на таежных же прогалинах – рясная, чуть продолговатая, размером почти с горошину. Для такой чуть ли не у каждого был заготовлен гребок: фанерный или жестяной лоток с ручкой, оканчивающийся тесным рядом стальных зубьев, слегка загнутых кверху. Таким гребком чесали брусничник – ягоды и часть листьев ссыпались в лоток, а стебельки проскальзывали меж зубьев. С помощью гребка ведро наполнялось на глазах.

Валентина Викторовна помнила, как отправлялись раньше за брусничкой. Транспорта тогда почти ни у кого не было, совхозными тракторами и лошадьми пользоваться боялись, поэтому уходили пешком. Несли на спинах огромные фанерные торбы, брали с собой одеяла и брезент, запас еды. Дня на три – на пять уходили. В то время брусника была одним из способов получить приличные деньги, а сейчас, наверное, даже ббльшим спасением от бедности, но людей, отваживающихся забираться в тайгу, находилось совсем немного, и в основном пожилые мужчины, еще той закалки. Те, что помоложе, или вообще не ходили на промысел (исключением были грибы – брались легко и быстро при урожае), или ограничивались бором...

На холмах за деревней росла клубника, но ее собирали в основном для себя – было мало, к тому же из-за высокой травы она не вызревала как следует: зеленоватая, водянистая, быстро закисающая – такую на рынок не повезешь. Варили из нее варенье или, у кого сахара не было, сушили, чтоб потом добавлять в чай, начинять пироги. Но это, как говорится, баловство; ценилось же по-настоящему то, что можно было продать.

Жимолость Елтышевы чуть было не пропустили. Занимались сооружением подпола, готовились заливать фундамент. Артем раз-другой обмолвился, что родители Вали собираются за жимолостью, что, говорят, жимолость в этом году хорошая, но на его слова не обратили внимания. Было не до этого...

Потом пришел сват, Георгий Степанович, трезвый, побритый, седовато-пегие волосы причесаны. Заулыбался, увидев во дворе Валентину Викторовну и Николая:

– Здоровенько! – И, проходя мимо «Москвича», погладил-поцарапал крыло шершавой ладонью. – Как оно всё? Кыш, семя крапивное, – отогнал набрасывающуюся на его ботинки Дингу.

– Да так...

Николай как раз сколачивал опалубку, Валентина Викторовна ему помогала, придерживая доску; Артема в этот момент дома не было.

– М-м, – покивал сват значительно, словно услышал важный ответ. – Какая если помощь нужна, говорите без стеснения. Родня все-таки. – Заглянул в обшитую досками-сороковками яму подпола. – Глубо-окий. Правильно... Я вот чего. Ягода ж подошла. Слыхали?

– Слыхали, – в тон ему ответил Николай.

– И как? Ехать-то собираетесь? Добрая жимолость в этот год. Мы тут с моей по оборкам прошли – два ведра надергали. М? А в Саянах вообще кусты все синие – бери не хочу.

И постепенно, словно расшатывая столб, принялся убеждать Елтышевых съездить в тайгу.

– За день ведра по три надергаем. Часть себе – с сахаром перетереть, – остальное на продажу. За сто семьдесят ведро десять литров идет. Куда с добром!

Николай честно сказал, что у него бензин – на дне бака. До Захолмова только доехать. (В Муранове заправки не было.)

– Да? – Сват подозрительно нахмурился. – Ну так поехали заправимся. И завтра утром рванем. Ждать-то нечего – погода вон какая, жарень, истечет жимолость, и ни ягоды, ни денег. Елтышевы согласились.

Рано утром – солнце только над горизонтом приподнималось – выехали вчетвером. Молодые остались.

– Пускай отсыплются, – зевнул сват, но его жена тут же привычно стала с ним спорить:

– Я дам спать! А корову доить кто будет? Спать... На том свете выспимся...

– Как у Вали беременность? – оборвала ее вопросом Валентина Викторовна.

– Да нормально. Не жалуется.

– М...

Скорее всего, из-за некачественного бензина «москвич» чихал, что-то где-то пухало, и Валентина Викторовна с замиранием сердца ожидала, что вот сейчас пухнет особенно громко и машина остановится... Не могла забыть одного случая – лет пять назад они с мужем вдвоем поехали за город. Взяли мяса, шампуров, решили пикничок устроить, вспомнить молодость. А вместо этого пришлось чинить карбюратор на пустынном проселке. И комаров как раз туча просто была – Николай копался под капотом, а она махала над ним полотенцем...

Поначалу дорога была хоть в рытвинах, но асфальтированной, затем же, после крошечной деревушки – десяток низких избушек с крытыми толем крышами – под названием Веселые Ключи, началась грунтовка. Сосны сменились елями и лиственницами, мотор «москвича» стал работать надсаднее. Гор, правда, не было, но поверхность земли постепенно становилась выше, выше.

– Во, во! – резко, аж напугал, вскрикнул Тяпов. – Счас свороток направо будет! Не пропусти.

Николай сбросил газ.

– Счас... Сворачивай.

Среди пышных придорожных кустов оказалась еле заметная колея.

– Еще с километр, и – мое место, – сказал сват так, будто открыл великую тайну.

Но километра не проехали – почти сразу начались камни, вымоины, лужи неизвестно какой глубины.

– Здесь на «уазике» только проедешь, – решил Николай и, слегка съехав с колеи, заглушил мотор.

– Да ладно, Михайлыч, дальше можно. Мы тут с Виталькой на «Урале»...

– Ну сравнил – «москвич» и «Урал»... Я поддон пробивать не хочу. Пешком пройдемся...

Из земли выпирали огромные замшелые валуны, а меж ними тесно, будто люди в узких коридорах, торчали хилые ели, суховатые лиственницы и кусты жимолости. Ягоды действительно висело полным-полно, правда, брать ее было неудобно – ноги постепенно затягивало в стоящую подо мхом болотистую грязь, и каждую минуту-другую приходилось переступать. Хорошо, сапоги обули, а то бы...

Георгий Степанович принялся за дело с азартом: как-то одновременно всеми пальцами обеих рук захватывал кусты и сдергивал с них ягоды. Сбрасывал с ладоней в зажатое меж ног ведро.

Он очень быстро набрал – «надергал» – полное ведро и направился в сторону машины. По пути полусшепотом, но Валентина Викторовна расслышала, предложил Николаю:

– Может, пропустим пойдём по стопарику? У меня взято.

Николай отказался.

Тяпов так и не вернулся. Его жена сперва ворчала про себя, а потом и обращаясь к Елтышевым:

– Куда его черти-то унесли? Вечно так – начнет и бросит.

Набрав по два ведра, пошли к стану. Георгий Степанович лежал рядом с «москвичом» на сухой кочке. Рядом – пустая бутылка, объединенная, без корок, булка хлеба.

– Да что ж это такое?! – мгновенно обозлилась Тяпова. – Ты чего нажрался опять?! Идиот...

И, бросив ведра, – чудом они не опрокинулись, – стала трясти мужа, тянуть за волосы вверх. Георгий Степанович мычал и отмахивался.

– Ну пускай он спит! – не выдержала Валентина Викторовна. – Что уж теперь...

– У-уй, идиот несчастный. – И напоследок Тяпова ударила его кулаком по голове; Георгий Степанович повалился обратно на кочку.

Съездили в целом удачно. Каждый, не считая так и не протрезвевшего свата, набрал по четыре ведра. Вернулись в деревню еще засветло.

На следующее утро, только сели перебирать жимолость, снова появился Георгий Степанович. Бодрый, деятельный.

– Ну, чего решили?

– В смысле?

– Да с ней, – кивнул на ягоду.

– Перекрутим с сахаром.

– Да куда столько-то?! Литров десять в зиму за глаза хватит. Не картошка же... Повезли, Михайлыч, продадим. А? – Тяпов по-приятельски подтолкнул Николая. – Какая-никакая, а денежка.

Елтышевы запротестовали было – ехать торгашами на рынок казалось унижительно, – но Тяпов продолжал убеждать и убедил... Все-таки триста рублей – это четыре мешка цемента...

Николай пошел выгонять машину. Валентина Викторовна надела свой выходной костюм.

...Потом, когда уже ничего нельзя было вернуть, изменить, она часто задумывалась, пытаясь определить, в какой момент началось это, не внешнее (внешнее началось давно, с ареста Дениса), а внутреннее сползание на дно жизни; когда моральные нити стали рваться одна за другой и недопустимое ранее стало допустимо, и в итоге допустимо стало всё... Да, чертой стал тот день. По крайней мере, для нее.

У Николая машина не завелась, и он, тыркая ключом зажигания, выскакивая из кабины, что-то поправляя, подчищая отверткой то ли в карбюраторе, то ли в стартере, громко, кажется впервые не стесняясь посторонних, матерился... Потом появились Тяповы, узнали, что «москвич» не заводится, решили ехать на автобусе. Валентина Викторовна увидела виноватые глаза мужа, сказала: «Что ж, я с ними». Обернула ведра наволочками, и побежали.

На остановке толпилось человек двадцать. В основном женщины с ведрами. Муж помог ей забраться в салон, чуть ли не через головы передал ягоду. Валентину Викторовну не возмущали ни тычки, ни грубости женщин – всё происходило словно бы во сне.

В давке, оберегая каждая свои ведра, доехали до города. Только двери «ПАЗа» открылись – ринулись наперегонки на рынок.

Рынков в городе было несколько, но по традиции большинство жителей делали покупки на центральном – между автовокзалом и телецентром. Туда же стремились и торговцы.

Для частников были отведены несколько рядов железных прилавков. Зимой и ранней весной ряды эти пустовали или их занимали продавцы игрушек, носков, мелких электроприборов, а летом за каждый сантиметр прилавка шла настоящая битва. Ругались, заставляли уплотниться, стойко держали места для приятелей, старались занять пяточки с краю – чтоб товар видело большее количество возможных покупателей.

Валентина Викторовна оказалась на рынке с двумя ведрами в начале десятого – в то время, когда продавцы уже заняли все места, разложили попривлекательней товар, закрепились здесь до вечера. Стояли или сидели на раскладных стульчиках, ящиках, перекладывали пучки укропа, редиски, первые огурчики, прыскали на них водой из бутылок, чтоб блестели, вяло переругивались с несимпатичными соседями. Каждого новопривывшего встречали дружным:

– Некуда тут! Некуда! Там ищите. – И неопределенно махали руками.

– Да как... – растерялась Валентина Викторовна, – куда...

Помогла сватья, явно не впервой попадающая в такие ситуации, – повела за ряды прилавков.

Там длиннющей шеренгой выстроились продавцы даров дикой природы: у кого ведра с жимолостью, черникой, голубикой, смородиной, клубникой, грибами, у других – фанерные ящики на длинных ножках, на которых всё то же, но выглядящее заманчивее. Торговали и оптом – ведрами, – и в розницу – стаканами, банками, на вес...

– Давай вот, – больно подтолкнула сватья Валентину Викторовну в брешь в шеренге; Елтышева на мгновение вспыхнула от такой бесцеремонности, но выразить негодование было некогда и как-то нелепо сейчас, здесь; втиснулись, поставили на асфальт ведра, сдернули уже местами пропитавшиеся темно-синим соком наволочки.

Сотни раз бывала Валентина Викторовна на этом, расположенном в квартале от их дома, рынке. Сотни раз проходила меж рядами прилавков, мимо стоящих вот так же людей с ведрами, корзинами, ящиками на длинных ножках. Конечно, что-то покупала, случалось, торговалась, пробовала, морщилась, если подсовывали подкисшее или задрябшее, отворачивалась от тех, кто особенно настойчиво зазывал, почти тянул к своему товару... Делая покупки, Валентина Викторовна не задумывалась, кто эти люди, как они сюда добираются, как вообще здесь оказались, как заканчивают свой день, какие мысли у них в голове, когда стоят вот так и час, и два, и три. Для нее тогда это были лишь продавцы, безмянные, почти и неодушевленные объекты, при помощи которых, если, конечно, есть деньги, можно наполнить сумки продуктами.

И вдруг она сама оказалась в числе этих объектов. Мимо текли счастливые в своей озабоченности люди-покупатели, и ни один не обращал внимания на ее ведра. А солнце припекало всё сильнее, платка, чтоб покрыть голову, не было; Валентина Викторовна приспособила вместо платка одну из наволочек. Жимолость теряла свой красивый голубоватый налет, становилась водянисто-темной, мягкой... По примеру других, Валентина Викторовна убрала сверху листочки, веточки, ставшую нитками влажную паутину. И вслед за другими стала приговаривать, жалобно, просительно:

– Жимолость. Жимолость таежная. Берите, дешевле уступлю...

– Валентина? – удивленный голос. – Валь, ты?

Не сразу сообразив, что обращаются к ней, Валентина Викторовна повела тяжелыми от жары глазами.

Почти напротив нее, но сливаясь с десятками других, толкущихся в узком проходе меж торгующими, стояла ее бывшая сослуживица по библиотеке. Наталья. Работали вместе много лет, отношения были не очень гладкие, но сейчас они обрадовались встрече.

– Как ты? Живы-здоровы? – спрашивала Наталья.

– Да-а... – Валентина Викторовна хотела махнуть рукой, но передумала, как могла приподнято ответила: – Устраиваемся. Дом строить начали.

– Молодцы... Хорошо вам – деревня, воздух, а тут задыхаешься в этом асфальте... – Наталья взглянула на ягоду: – Это жимолость у тебя?

– Жимолость.

– М-м! Сами брали?

– Ну конечно! – Валентина Викторовна даже оскорбилась этим вопросом. – Вчера весь день в тайге...

– И почему?

– Тебе за сто пятьдесят отдам. Так-то – сто семьдесят.

Наталья оценивающе поджала губы. И решила:

– А давай, наверно! Как без варенья совсем... Куда бы только?

– Куда... – Валентина Викторовна растерянно смотрела, как Наталья полезла в сумку, долго в ней копалась; слава богу, нашла большой шуршащий пакет, проверила, нет ли дырок. Дырок не было.

– Пересыпай. Не лопнет?

– Да вы-ыдержит! – подхватила ведро Валентина Викторовна, стала нагибать. Ягода слежавшимися комками бухалась на дно пакета.

– Погоди-ка, погоди! – испуганный голос Натальи, и пакет дернулся. – Она у тебя с мусором, что ли?

– С каким мусором?..

– Нет, Валь, мне такую не надо. Это ведь целый вечер копать... Да и мятая, сок дала. Высыпай обратно.

– Ну Ната-аша... – не смея обидеться, разозлившись, умоляюще протянула Валентина Викторовна, но бывшая сослуживица уже, будто забыв о ней, заинтересованно рассматривала ягоду у другого продавца, а тот нахваливал:

– С Амыла жимолость. Самая экологичная... И перебратая, конечно! Бери-ите, сто пятьдесят. Самый в зиму витамин!..

За полчаса до автобуса сватья нашла скупщика, согласного заплатить по сто десять рублей за ведро. Дороже не брали. Пришлось согласиться.

Купив кой-каких продуктов, побежали на автовокзал... Валентина Викторовна чувствовала себя окунутой во что-то нечистое, поганое, от чего ей уже не отмыться, что ничем с себя не соскоблить. «Не ворованным торговала, – пыталась убедить себя, – не ворованным, своим». Но это не помогало.

Глава тринадцатая

Лето, жаркое, душное, казалось, не кончится. Радость оно доставляло лишь плещущейся в пруду ребятне да насекомым. Мухи, слепни всякие не давали покоя. Дождей почти не выпадало, даже картошку приходилось поливать, а с водой было туго. Летний водопровод не действовал уже много лет – трубы полопались, краны заржавели, – люди протягивали шланги к колонкам, надевали на носики, на ручку-рычаг вешали груз. Кое-как, тоненькой струйкой, поливали... Легче было тем, кто жил близко к пруду. У них трубы были врыты в землю, к мосткам проведено электричество. На мостках устанавливали моторы – «Каму» или «Агидель», – качали воду для полива, для бани... Те, у кого не было шлангов или колонка находилась далеко, таскали воду ведрами... Немногие, плюнув на свои посадки, полагались на погоду: «Бог даст, чего-нибудь соберем».

Свободное время, а было его достаточно, Артем проводил на пруду. Там с рассвета до ночи кто-нибудь сидел, лежал, выпивал, дремал. В клуб почти не ходили: на кино не было денег, а танцы не проводились – сломался магнитофон. И единственным местом, где можно было относительно приятно убивать дни, оказался пруд. Но и там, без выпивки и девчонок, изнывали от скуки.

– Как, Артемка, жизнь семейная? – спрашивали пацаны.

– Да нормально, ничего.

– А брат-то твой когда откинется?

– Как это – «откинется»? – Как всегда в разговоре с местными, Артем ожидал какого-нибудь подкола.

– Ну, освободится?

– Через два года.

– До-олго...

Расспрашивали, за что сел, какой он вообще. Артем расписывал брата крутым, бесстрашным. От этого самому становилось как-то легче.

Пацаны были все те же – Глебыч, Вела, Цой, Вица. Человек пятнадцать; кажется, вся молодежь деревни мужского пола.

– Что делать-то думаешь? – после долгой паузы, во время которой все дружно-зачарованно наблюдали за низко кружащимся над водой коршуном, задал Глебыч с ухмылкой новый вопрос.

– В смысле? – снова переспрашивающе уточнил Артем; показалось, что пацаны в курсе его планов устроиться в милицию.

– В каком... в прямом. У тебя ж пополнение скоро. Валька вон гусыней ходит...

Вела, худой, в выцветшей до бесцветности майке, хохотнул. Все с интересом на него уставились.

– Чего ржешь?

– Да про баб вспомнил.

– Чего?

– Ну, что сначала они цветочки, потом – эти, птички, потом – гусыни, курицы, овцы, а потом – свиньи.

Пацаны вяло посмеялись этой явно давнишней и известной всем шутке, заспорили, действительно ли певица Валерия до сих пор, после всех родов, такая сексуальная, или это так ее снимают, разошлись во мнении о ее возрасте: одни говорили, что лет тридцать, другие – что далеко за сорок. Артем был рад этому обсуждению – вопрос о том, что он думает делать, забылся. Тем более что Артем не думал об этом, боялся думать...

В очередной раз начали играть в дурака, но быстро бросили – играли каждый день, уже надоело; попихали друг друга к воде – «искупнись», «сам искупнись», – а потом Вица подал идею:

– Траву, может, попробуем? Должна бы набраться уже. Жарень, сухо, само то.

Пацаны скорее не из желания заторчать, а от скуки согласились. Одни, в том числе и Артем, побрели в бор за дровами, другие стали рвать на пригорке верхушки малорослой, художочной конопли.

Развели небольшой, для дела, костер. Нашли консервную банку и закрепили ее на рогаatine, которую рыбаки втыкают в прибрежное дно, чтоб класть на нее удилище. Вица расщипал верхушки и стал подсушивать в банке над костром.

– Папики-то есть у кого? – спросил Глебыч.

– Не...

– А во что забивать?

– Ну-у...

– Блин!..

– Да ладно, в сигареты забьем.

– Херня получится...

– Захрустело, – прошептал Вица аппетитно, будто сообщал о каком-то необыкновенном кушанье. – Гото-ово почти.

И действительно, запахло вкусно, сытно.

– А толку, – всё продолжал расстраиваться Глебыч, – папирос-то всё равно нету... О, Тём, у тебя же тесть «Беломор» курит. Не в падлу – иди возьми у него пару штук. Хоть раскуримся.

Артем поднялся было, но тут же сел обратно на траву:

– Нет, не могу. Запрягут опять делами. Я сказал, что к родителям пошел... Что-то достали они меня все.

– М-м, знакомо, – усмехнулся Глебыч. – Запар хватает. – Взглянул на самого младшего в компании: – Что, Болт, сгоняешь до магазина?

Собрали пять рублей, отдали Болту. Тот побежал. Остальные молча наблюдали, как он огибает пруд. Вздыхали, зевали, потягивались. Цой начал тасовать растрепанные липкие карты и бросил... До вечера было еще далеко.

Да, и у родителей, и в доме жены появляться Артему хотелось все меньше. Строительство застопорилось на заливке фундамента. И фундамент был залит не полностью – постоянно не хватало цемента, глины, которую возили километров за десять, щебня; отец с матерью увлеклись собиранием ягод и грибов. Пару раз ездил с ними и Артем, но пользы не принес. Грибы искать получалось плохо – не видел он их, бестолково бродил меж деревьями и, лишь когда под ботинком мягко хрустело, понимал, что наступил на прячущийся подо мхом груздь. Жимолость, чернику, смородину рвать было тошно: через несколько минут он начинал чихать – мошкара и паутина лезли в нос, в глаза. Артем садился на корточки, тер лицо, мечтал скорее оказаться во времянке, лечь на кровать.

– Не могу я, – жалобно признавался родителям, – никак не получается.

– А кто может?! Я, что ли, могу?! – рыдающе отвечала мать. – Я вообще свалюсь скоро.

Артем бурчал в оправдание:

– С детства надо к этому приучать. А так... Как ее берут вообще...

Этот аргумент почему-то родителями принимался – может, чувствовали свою вину, что не приучали. Раньше они редко выезжали за город, ягоды, грибы, овощи покупали на рынке. Не из-за нехватки времени предпочитали рынок даче, лесу, а из сознания, что могут себе это позволить – пойти и купить. А теперь всё перевернулось...

Артема перестали брать, ездили или вдвоем, или с родителями Вали. Артем же дремал или шел на пруд... С женой отношения были ровные. Слишком ровные, будто с малознакомой. Даже спали в последние недели порознь – он во времянке, а она на веранде. Валя объясняла это беременностью: вдвоем на кровати стало тесно, давит живот.

У Тяповых было шумно и многолюдно. Валины сестры, их дочери лет по десять-двенадцать; иногда навевались и мужья – крупные, туповатые, неразговорчивые, однообразно хлопавшие Артема по спине: «Ну чего, своячок?» Все болтались в доме и ограде, изнывая от безделья. Попивали водку, загорали на огороде или на пляже, пытались полоть грядки, но быстро бросали, играли со старым Трезором, который после нескольких минут торможения лез в будку... Иногда начинали бурно ругаться. Потом мирились при помощи водки и соленых арбузов. Отсыпались и разъезжались. Через несколько дней съезжались снова.

Валя все больше становилась похожа на своих медведеподобных сестер – полнела, крупнела, грубела. Волосы красить бросила, и постепенно из золотистых они превратились в серые. На лице появились буроватые пятна («Это пигменты, – объясняла, – они у всех при беременности»). Артема к ней не тянуло...

Он слушал старые песенки из магнитофона и думал: «А что дальше? Дальше – роды, осень, холод. Крик, пеленки...» Никогда не оказывался рядом с новорожденными, не замечал, что они вообще существуют на свете... Нет, было однажды – однажды оказался. Зашел в автобус. Было ему тогда лет двадцать, только-только из армии вернулся и, как большинство дембелей, хотел скорее найти девушку, может быть, и жениться, семью создать... Артем особо не искал, но мысли были, желание... Зашел в автобус; ему нужно было проехать несколько остановок. Заплатил кондукторше, сел. В автобусе плакал ребенок. Совсем маленький, крепко запеленатый. И плакал так, что Артем выскочил раньше времени, пошел пешком. А уши еще долго раздирало захлебывающееся: «Айя-а-а-а-а!..»

Теперь этот случай вспоминался чаще и чаще... И вот так же будет орать скоро его ребенок – все дети орут, – и на этот раз никуда не сбежишь. Не выскочишь. Это уже не автобус, где ты простой пассажир.

В конце августа с Саян подул ветер. Сначала – приятный, освежающий, а через день-другой – всё более холодный, пронизывающий. Та кромка неба, откуда дуло, почернела. Люди захопотали, стали срывать крупные помидоры, выдергивать лук, чеснок, некоторые копали картошку, надеясь до дождей просушить и спустить в подполы.

Первые груды туч проходили дальше, лишь грозя обрушить на деревню струи ледяной воды, но воздух набирался зябкой, едкой сырости. И, как только ветер ослаб, начался дождь. Коротко – бурный, почти грозовой, а затем, на многие сутки, – мелкий, редкий, казалось бы, готовый вот-вот прекратиться, но не прекращающийся.

Артем маялся во времянке, как в тюремной камере. Включал дребезжащий обогреватель, дожидался, пока он слегка оживит воздух, и выключал. Долго слушать дребезжание и треск было невыносимо... Заворачивался в тяжелое одеяло, дремал под ленивое постукивание капель о дерево, железо, стекло... В городе дождь был другим – от него легко было спрятаться, забыть, что он есть. А здесь, даже если уши заткнуть, зажмуриться накрепко, все равно спрятаться не удавалось – дождем был пропитан воздух даже в теплой избе, волей-неволей представлялось, как влага точит доски, бревна, разъедает железо, шифер, бетон... Наверняка в подпол у родителей вода протекает... Вот и построили за лето дом – подпол и часть фундамента. Если такими темпами дальше, то лет через пять до крыши дойдут. А подпол обвалится...

Вдобавок к невеселым мыслям и томительному безделью у Артема – продуло, что ли, – заболел зуб. Сначала просто почувствовалось, что он есть, один из многих других в верхней челюсти, потом заныл, потом уже заболел по-настоящему, ни на секунду не давая покоя. Боль перекинулась и на соседние зубы.

Артем не выдержал, зашел в дом, попросил анальгина. Анальгина не оказалось, теща развела соду в теплой воде, велела полоскать. Полоскание не помогло – наоборот, боль стала стреляющей, в десне словно бы трещало, лопалось...

– Ох, да что делать-то?! – досадливо вопрошала теща, перебирая лекарства в жестяной банке из-под печенья. – Говорят, йодом надо смазывать. На ватку, и туда ее...

Валя сидела в единственном в доме кресле, выпятив живот, смотрела на Артема так, будто он пустяками морочит всем головы.

– Ну, давайте этот, – захлебываясь горьковатой слюной, сказал Артем, – йод.

Через полчаса безуспешных попыток унять боль он направился к родителям. Решил попросить денег на автобус, чтоб ехать к стоматологу...

Еще не войдя, лишь открыв дверь, уловил запах водки. В последнее время, когда бывал здесь, часто заставал отца сидящим за бутылкой.

Сегодня вместе с отцом сидел и Юрка. Бабка Татьяна наблюдала за ними из своего угла. Мать смотрела телевизор в комнате.

– А-а, – покривил отец губы, – здорóво. Что, опять за финансами?

После того разговора на берегу, предложения идти работать в милицию, которое Артем не поддержал, после того как он объявил, что не может собирать ягоду, отец стал относиться к нему с откровенным презрением. Не кипятился, как раньше, но и не пытался помочь, не делился больше своими планами, не предлагал строить дом. Кажется, видел в нем теперь лишь бесполезный груз жизни, который и бросить невозможно, но и тащить дальше нет никакого смысла, а лучше остановиться, прислониться с грузом к какой-нибудь опоре... Может, в водке (в спирте, точнее) он нашел теперь опору. И это Артема и задевало, и пугало. Словно его окончательно сбросили со счетов.

– зуб сильно болит, – жалобно сказал он, не решаясь разуться, пройти к столу; мялся на пороге. – Всё перепробовали...

Из комнаты вышла мать:

– Что случилось?

– Да зуб болит, – еще более жалобно повторил Артем и потер скулу, – к стоматологу надо.

– А содой полоскал?

– Угу...

– Водкой надо пополоскать, – посоветовал Юрка то ли в шутку, то ли всерьез, – водка от всего...

– Боль салом снимают, – скрипнула бабка Татьяна.

– А?

– Сало надо на зуб положить... Это, Артема, сними там в чулане мешок.

...Древний солдатский сидор висел на крюке под потолком. В нем, как драгоценность, хранилось бабкино соленое сало. Лишь по праздникам или при болезни бабка Татьяна доставала кусочек.

И сейчас все в торжественном молчании наблюдали, как она перебирает обернутые в белые тряпочки бруски, разворачивает, оглядывает. Сало, правда, было неаппетитное – сухое, с рыжеватым, будто ржавчина, налетом, в кристалликах соли...

– От этого вот отрежь, – подала Артему один из брусков, – водой тепленькой окати и положи на зуб.

Артем исполнил, не очень-то веря в действенность сала. Присел на табуретку. Стал ждать.

– А нам, тетя Тань, выделишь по кусочку? – попросил Юрка. – Спиртович сальцо любит. Надоело уже хлебом заедать.

– Да уж берите, – она положила на стол самый маленький брусок, – за урожай выпейте. Хороший нынче год. И грузди, и ягода, и картошки обещается...

Боль только усилилась. «Ну дак, – скрючился, закачался Артем, – бред солью лечить. От соли хуже только. Она же разъедает...» Он нетерпеливо тер языком пластик сала по зубу, десне, покусывал его, посасывал. Хотелось выплюнуть и снова начать проситься в город, к стоматологу. «А как там? – останавливали вопросы. – В какую поликлинику? Где там деревенских лечат?»

– Да-а, урожай, – горько вздохнул отец. – Два месяца почти на собирательство убили, а что заработали... Не стоит овчинка выделки.

– Почему не стоит-то? – удивился Юрка. – Хоть деньги пощупали.

– Какие это деньги – сто рублей. Пошел в магазин и непонятно на что потратил.

– Ну, эт понятно... Давай, Николай Михалыч, чтоб денег столько было, чтоб не считать.

– Эх-х...

– Как, Тема, – подошла мать, – лучше?

Он поморщился.

– Может, телевизор посмотреть хочешь? Только что-то сильно рябит, из-за дождя, что ли...

– Не хочу.

– Ладно... Валентина как?

– Ну, так... Лежит в основном.

– Уже ведь восьмой месяц у нее. Восьмой?

– Угу... – Говорить было и больно, и неприятно, особенно об этом. – Живот большой...

М-м, – потер скулу, – не проходит совсем.

– Погоди-погоди, – откликнулась бабка. – Это не сразу, зато потом долго спокойно будет. У меня вон все поискрошились, а болеть не болят. Я потому что салом чуть что.

... Действительно, постепенно боль сошла. А через час Артем и забыл о зубе. Сидел вместе с отцом и Юркой, выпивал, закусывал. Разговора особого не вязалось – в основном вздохи, кряхтение, бормотки, напоминающие заговор: «Хоть бы дождь прекратился. Все ведь планы рушит».

Неожиданно Юрка притиснул рот к уху Артема, попросил:

– Будешь в городе – гондонов купи.

– Что?

– Ну, не хочу, чтоб жена снова понесла. Сил нету всех их на ноги подымать... Купишь?

– Ладно, куплю.

– А ты давай, – Юрка хлопнул его по плечу, – рожай. Ты еще молодой, тебе можно. – Стал разливать остатки спирта. – Давайте-ка за детей! Всяко-разно, а они – главное.

– М-да, – вздох отца, – не поспоришь.

Глава четырнадцатая

Осени как таковой – к какой Елтышев привык в городе – не было. Странно, полста километров, небольшой перевальчик через еле заметную гряду гор, а климат совсем другой. Суровый климат... Числа с двадцать пятого августа как зарядил дождь, так шел и шел и постепенно стал перерастать в снег. Снег падал и, не долетая до земли, таял, земля еще хранила тепло, но с каждым днем зима ощущалась всё сильнее. В Саянах она, наверно, уже хозяйничала вовсю, а это еще полста километров.

Небо было наглухо завалено тучами, растения хирели; листья не желтели, но видно было, что они уже неживые. Картошку, морковку выкапывали из грязи, сушили в бане, в сенках, на ночь накрывая тряпками. Молились, чтоб не ударил мороз до того, как спустят в подпол.

– И всегда у вас сентябрь такой? – хмуро покуривая у печки, спрашивал Николай Михайлович, сам не зная, жену или тетку.

Отвечала обычно жена:

– Да я не помню. Сколько прошло времени... Вроде и солнце бывало.

Елтышев усмехался:

– В юности всё лучше было.

Тетка Татьяна сидела, слепо глядя вдаль. Наверно, вспоминала что-то свое...

Как запертый, метался Николай Михайлович по избушке, курил бесперечь, психовал. Понимая, что природу глупо ругать за дождь, а судьбу – за то, что так повернулась, он часто вспоминал Хариных:

– Сволочи, так наколоть! Мог ведь уже сруб поставить, если бы не ждал от них... «Пила, бревна, цемент – пожалуйста». Два месяца потерял!..

Иногда присаживался перед телевизором, но все, что видел на экране, выводило из себя. Сплошные песенки, юмористы, реклама с полуголыми красотками и уверенными в себе мужчинами, фильмы с перестрелками, криминальные хроники. Особенно эти хроники бесили: по всем каналам – отчаянные грабители, серийные убийцы, работоторговцы, наркотики с дипломами денег и килограммами героя... Елтышев вспоминал свою службу в милиции.

Тридцать пять лет почти прослужил. Тридцать пять лет – и ни разу не столкнулся ни с одним настоящим преступником, ни одного бандита не видел. Всё какие-то мелкие хулиганы, семейные скандалисты и алкаши, алкаши, алкаши. И в вырезвители, и до того... «Ну а что, – ворчал про себя Николай Михайлович, – а что остается-то... Пить только».

Погода, тоска бессилия и бездействия тянули к выпивке. В то, что он может спиться в пятьдесят пять лет, не верилось, да и не допивался ни разу до невменяемости, но ложиться спать трезвым становилось тяжело – донимала, крутила бессонница, раздражала близость жены, с которой у них давно уже не было близости, хотя Елтышев чувствовал себя мужчиной и здесь, в деревне, несмотря на постоянную нервозность, как-то странно помолодел. Но какая тут может быть близость – за тонкой стеной ворочается старуха, при каждом их движении скрипит старый диван... Не по углам же зажимать Валентину?.. В баню и ту вдвоем не пойдешь – там попросту вдвоем не поместишься: конура с печкой... Как в эту зиму мыться будут? Полок поправил, а толку. Убогость этим не исправить.

Николай Михайлович надевал болоньевую куртку, шел за спиртом на другой край деревни. Покупал бутылку. Сидел по вечерам, неспешно глотал стопку за стопкой.

Тетка покачивалась в углу, всё смотрела и смотрела куда-то. Может, мужа своего вспоминала, умершего лет двадцать назад, может, двоих сыновей и дочку, тоже давно похороненных... О ее родных Елтышев почти ничего не знал и не интересовался, точнее, не расспрашивал ни ее, ни жену. Своего ему хватало по горло.

Должно было случиться, назревало – каждую минуту Николай Михайлович ожидал, что сейчас вбежит сын и заноеет: «У Вали схватки, надо везти скорей! Давайте!..» Но вместо Артема появилась жена Юрки...

День как раз выдался более-менее сносный для работы по хозяйству. Небо хоть и было серовато-синим, но не капало, ветерок обдул, подсушил, и Елтышев занялся перекладыванием купленных в августе досок – нужно было подготовить их к зимовке, накрыть кусками толя, чтобы не очень мокли... Теперь уж только весной пригодятся. Если, конечно, бог даст.

Возясь с досками, Николай Михайлович поглядывал на «москвич», а тот словно с укором смотрел на него своими мутноватыми фарами... Да, придется ему зимовать на улице. Брезентовый чехол надо купить – хоть какая-то защита... «Какая защита! – сам себе возмутился Елтышев. – Гараж строить надо. Всё надо строить. Всё новое надо, надежное, теплое. Вот здесь гараж поставить, слева от будущего дома, впритык, и прямо из кухни, скажем, проходить к машине. Лучше всего сделать одну печку, оборудовать водяное отопление с баками в стенах. Во всех смыслах преимущество...»

Он замечтался, искренне, ярко и одновременно сознательно, пытаясь этими мечтами поправить себе настроение. И тут в калитку застучали. Громко, нетерпеливо. Динга взлаяла сначала испуганно и тут же с веселой злобой бросилась на этот стук. «Вот и Артем с родами», – опустил доску Елтышев.

Но вместо сына за калиткой оказалась женщина.

– Здравствуйте, я Людмила, жена Юркина.

– Да, помню. Добрый день.

– Николай Михайлович... – Женщина казалась спокойной, может быть, лишь чересчур серьезной, но в этом четком выговоре имени-отчества было что-то жутковатое... Елтышев приготовился сказать, что мужа ее не видел уже несколько дней, пьет, наверное, но не с ним; женщина опередила: – Николай Михайлович, Юра умер.

...Юрка лежал на крыльце клуба. Крыльцо было под навесом, и здесь частенько сидели мужички, парни. Раздавливали бутылочку, курили. И сейчас вокруг валялись поллитровки, пустые пачки сигарет, целлофановые мешочки... Лицо Юрки было коричневым, почти черным. «Током, что ли?» – подумал Николай Михайлович, останавливаясь, сливаясь с полукружьем людей, огибающих крыльцо.

– Вот так от спиртяги сгорают, – словно отвечая Елтышеву, произнес один из мужичков.

– Н-да-а, – унылый вздох, – а молодой ведь еще.

Елтышева удивило поведение окружающих – стояли и смотрели на труп как на что-то обычное. И даже Людмила, для которой теперь, со смертью мужа (любимого или нелюбимого, дело другое), ломалась вся ее и ее детей судьба, не рыдала, не трясла Юрку, требуя подняться, встать, не била его в иступленном отчаянии, а, как и другие, стояла и смотрела. Дети тоже были тут, и тоже спокойны... Подошел управляющий, потом участковый, фельдшер. Останавливались и смотрели.

– Звонить надо, – выдавил Николай Михайлович, оглядываясь, – заявить, что так...

– Да звонили, – ответил управляющий. – Сказали: хотите – везите сами на вскрытие, а нет – так и нет. Свидетельство о смерти вон Ирина составит.

– А чего вскрывать? – сказал тот же, что словно ответил Елтышеву. – Сгорел от спирта, и всё. Меру не знал.

Начался вялый спор, везти ли Юрку в город на вскрытие или нет. Поглядывали вопросительно на вдову, но та отвечала на эти взгляды такими же вопросительными взглядами.

– Да нет, ну как, вы что? – очнулся Николай Михайлович от какого-то сонного оцепенения. – Нужно отвезти, пусть выяснят причину. Отравление вдруг, еще что... – Подошел к управляющему. – Вы власть здесь или нет?.. Средневековье какое-то!

– У меня машины нет, – быстро отрезал управляющий, – а они не хотят высылать. Говорят, чтоб сами...

Очень быстро Елтышев пожалел, что ввязался в это дело, проявил инициативу: оказалось, что везти Юрку, кроме него, некому. В деревне не было ни одной служебной машины. Сопровождать вызвался участковый; быстро составил протокол, побежал надевать форму.

Николай Михайлович наверняка отказался бы, но тут заплакала Людмила, стала просить, подталкивала к нему детей, чтоб тоже просили; казалось, теперь им очень важно это вскрытие, оно способно вернуть им мужа и отца... Тихо ругаясь, Елтышев подогнал к клубу машину, на заднем сиденье расстелили чье-то одеяло, еле-еле уместили окоченевшее тело. Хорошо, что в полусидячем положении окоченел... Николай Михайлович в эти минуты превратился в милиционера, не раз ворочающего мертвых, и это помогло запихнуть Юрку. Остальные, включая и участкового, помогали осторожно, брезгливо.

«Ну вот делать мне больше нечего! А обратно его как?.. Или в городе хоронить? Отвезу – и всё, и хрен больше...» И в то же время Елтышев чувствовал свою вину – не вину, но причастность к тому, что так с Юркой случилось: в последние недели они часто выпивали вместе; Николай Михайлович ложился спать, а Юрка наверняка шел искать нового собутыльника, плотал всякую гадость и вот сгорел.

«Слава богу, не при мне случилось, – тут же накатывало облегчение, – а то бы сейчас... что спойл... Юрка, Юрка. – Елтышев глянул в зеркало заднего вида и чуть было не потерял управление „москвичом“: мертвый, казалось, следил за ним сквозь неплотно сжатые веки. – Надо лицо накрыть... И салон потом вымыть как следует». Притопил педаль газа.

...А через два дня он снова мчался по этой дороге. На заднем сиденье постанывала невестка – начались схватки.

На тетку Татьяну Юркина смерть произвела неожиданно сильное впечатление. Она ожилилась, стала подвижней, разговорчивей. Часто перечисляла:

– В тот год Виталька Потапов помер, еще тридцати не было. Олежку, Санаевой сына, родной дядя убил. Но Олежка оторва был, всё тащил подряд... Этот, Глушков, допил... Мрут и мрут, мрут и мрут... В войну с нашего Муранова семнадцать мужиков погибло, вон памятник стоит возле клуба. Семнадцать фамилий там... Но то война, пулеметы, танки, а тут, если посчитать, за последних пять лет больше наберется... И что ж это – это ведь все так перемерут, переубивают друг дружку.

– Ну ладно вам тоску нагонять! – не выдержал как-то Николай Михайлович. – Мозгов просто нет, вот и мрут.

– Так ведь сколько же можно? Так ведь все...

– Не все. Есть и настоящие. Не все же пьют сутками... Есть хозяйственные.

– Ну и хозяйственные тоже страдают, – не сдавалась тетка. – Олежка этот, Санаев-то, почитай все дворы облазил. У одного – одно, у другого – другое. Продавал в городе, а то и тут прямо – ходил предлагал. И забрался к дядьке своему, а тот кроликов держал. Ну и вилами напырнул. По темноте-то и не видал, что племян его это. Может, просто напугать хотел, а пробил там что-то важное. И скорой не дождались. И всё: в одной семье и тебе мертвец, и этот, зэк... Семь лет ему дали, Борису-то, он и не выгораживался: убил, виноват... А как выйдет, дружки Олежкины, люди слышали, клятву дали, тоже его... Если доживут сами.

Вскоре тетке надоело разговаривать с родней, она стала уходить к другим старухам. Возвращаясь, долго копалась в комод, перебирала свою одежду, что-то шептала Валентине. Та возмущенно-слезно перебивала:

– Ну хватит вам! Перестаньте.

– Нет, ты послушай, – упорно скрипела тетка, – я хочу, чтоб по-человечески было. Прожила как-то восемьдесят годов, не хуже других прожила, а теперь помереть надо тоже... В землю лечь не собакой...

– Переста-аньте. Какой собакой... Вы видите, какая у нас ситуация? И вы еще...

– Э-эх, Валя, досказать-то дай. – И старуха снова переходила на шепот; до Елтышева долетали лишь отдельные фразы: – Вот тут во что одеть... Я с Георгивной и Ниной Семеновой... Обмоют, соберут... Скоро уже, Валенька...

Она говорила это не раз и не два, повторяла, будто боялась, что племянница что-то забудет, не выполнит.

После этих наставлений ложилась на свою кровать и лежала сутками, мешая Валентине готовить еду, мыть посуду, Николаю Михайловичу – просто быть на кухне. При лежащем человеке – постоянно как связанный. Ее лежание выдавливало Елтышева или во двор, или в соседнюю комнату...

Но, полежав и, видимо, не дождавшись смерти, старуха поднималась, снова собиралась к своим Георгивне и Нине Семеновой, потом снова перебирала вещи в комод, рвала нервы Валентине шепотом.

Николая Михайловича бесили эти ее попытки умереть – она будто играла в изматывающую не ее саму, а окружающих игру. Или скорее не играла ни во что, а просто мучила их, в общем-то, ни с того ни с сего к ней вселившихся, стеснивших, раздражающих, на год вогнавших ее в угол между буфетом и печкой. Вот не выдержала и – начала...

– Ох, да когда же... – в который раз поднималась с кровати, потирала отлежалые локти, бока. – Прогулы на том свете ставить устали, а я всё тут...

– Да прекратите вы, тетя Тань, в конце концов! – перебивала Валентина. – Что у вас болит? Скажите, я съезжу лекарств куплю. Фельдшершу вызвать?.. Ну вот, ничего не болит – осень это, и всё... Всем плохо... У вас вот правнук родился, Родион. Имя красивое, да? Скоро сюда принесем, увидите его, еще помяните.

– Ох, ох, – старуха отмахивалась и брела к порогу, совала ноги в большие раздавленные валенки, натягивала ватник. Медленно выходила в сенки, скрипя дверью. С улицы в избу тек едкий, предзимний холод.

Глава пятнадцатая

Да, минул год, как Елтышевы здесь оказались. И изменений в их жизни по сравнению с тем моментом, когда, выгрузив из контейнера вещи, рассовали их под крышами и сели за стол на первый здесь обед, ощутимых не было... Нет, внешне, конечно, случилось немало: Артем женился и даже успел обзавестись ребенком, Николай Михайлович и Валентина Викторовна отошли от шока скоропалительного переезда; началось строительство дома... Но в бытовом плане легче не стало. Или стало?.. В том, что Артем жил в семье жены, были и плюсы, и минусы. Минусы – не помогал в повседневных делах, появлялся от случая к случаю, из-за чего и новый дом строился медленнее, чем, наверно, могло бы быть. А плюсы... Теперь невозможно было представить, что они все втроем до сих пор спят в одной комнате, где и так не развернуться. Те первые месяцы, конечно, были ужасны... Но и теперь – не лучше все-таки. Нет, не лучше. Крестьянами они так и не стали, и каждый день как испытание. Еще и тетка чудит, с ума сходит. И сводит...

Опять, как и год назад, снег долго не выпадал. Мороз мучил землю, да так, что трескалась; небо было коричнево-серым, даже в полдень невозможно было понять, где там солнышко. Мертво было, тошно, каждую мелочь приходилось делать с усилием – давило всё, будто не на планете Земля они вдруг оказались, а на каком-нибудь фантастическом Плутоне. «У Алексея Толстого такой роман? – пыталась вспомнить Валентина Викторовна свое библиотечарское прошлое. – Или у Уэллса?..»

Николай часто ездил в бор, привозил в багажнике, на крыше и в салоне валежник и сухойстой. Когда приходил Артем – пилили их на чурки, потом кололи. Поначалу сыну понравилось колоть дрова, но после того как угодил себе колуном по ноге, охладел к этому занятию... Дров было уже достаточно, тем более что тетке Татьяне, как труженице тыла, привозили машину угля; Николай же возил и возил, пилил (когда Артема не было, пилил один, ножовкой), колол, укладывал в ровные, аккуратнейшие поленицы. Словно спасался этим от тоски и отчаяния. А тоска крутилась рядом и при первом удобном моменте, стоило задуматься, поддаться воспоминаниям, наваливалась, душила, сосала остатки сил...

И Валентина Викторовна тоже старалась занимать себя чем-нибудь, даже когда дел вроде бы не было. Вышивать пробовала, хотя раньше относилась к этому как к баловству. Сейчас же убедила себя, что вышивать нужно – рубашечки для внука, наволочку, платочки. Но представляла, какими были маленькие Артем с Денисом, какие у них были одежонки, белье, игрушки, – и не выдерживала, начинала плакать. Плакала тихо, без рыданий, боясь, что ее состояние передастся мужу. И что тогда делать? Всем реветь, рвать волосы, в петлю лезть...

У Дениса за этот год она побывала лишь раз – пропустила свидание, – хоть и сидел он недалеко – меньше суток на поезде. Затянула эта каждодневная борьба с неблагоприятными обстоятельствами, свадьба Артема, сбор и торговля ягодой и груздями, ожидание внука, да и собственное самочувствие.

Не одними только условиями жизни, сумрачной осенью объяснялась, видимо, странная слабость. Что-то происходило в ее организме – всё время хотелось пить, но от воды подташнивало, в горле скреблось и давило, да и весь организм бил тревогу, жаловался, просил помощи... Она боялась признаться себе, что заболела, из-за этой боязни не ехала на обследование. Надевалась, пройдет. Вот встанет однажды утром и ощутит бодрость, и всё будет хорошо. И с ней, и с близкими.

Посылали сыну посылки, денежные переводы... На том свидании Денис сказал, что ведет себя нормально, работает, но о досрочном освобождении пусть и не думают – администрация к каждой мелочи придирается, за пустяки в изолятор тащит. К известию об их переезде отнесся, кажется, с пониманием. Сказал: «Не пропадем». Вообще очень он стал взрослым за последнее

время, Денис, надежным таким, как мужчины из юности Валентины Викторовны, многие из которых повоевали. Нынешние квелые парнята, по крайней мере, не шли с Денисом ни в какое сравнение...

Что ж, может быть, действительно он сделает так, что всё у них наладится. Вот приедет, оглядится, засучит рукава, отца с Артемом подстегнет... Долго ждать еще, правда, – почти два года. Хотя что такое два года? Вот год они здесь, и – как месяц. Цепочка одинаково трудных дней. А дальше еще быстрее они побегут.

Поначалу ходили к Тяповым чуть не каждый день. Смотрели на внука, сюсюкали, дарили подарочки. Но по любому поводу возникали споры, начиная с имени (Елтышевы были против имени Родион, а сваты очень хотели именно так назвать – у них, видите ли, это родовое мужское имя); спорили и как пеленать, каким питанием подкармливать, как с запорчиками бороться... Елтышевы постоянно проигрывали: они были гостями, внук жил у родителей Вали, Артем же был кем-то вроде приживала – бесцельно проводил время на кухне (временка уже промерзла, и «Вихрь» не помогал), иногда выполняя какие-нибудь поручения. То воды принести, то дров, то тазик подать, бутылочку подогреть. Зато Валя с матерью хлопотали над ребенком как наседки. Елтышевы поглядывали в колыбельку из-за их спин...

И постепенно всё меньше возникало охоты у Валентины Викторовны идти на другой край деревни, меньше радости быть рядом с внуком, не имея возможности как следует с ним нянчиться.

...Как ни было грустно видеть черную, без снега, землю, похожие на скелеты деревья, но при снеге стало еще грустнее. Зима навалилась, придавила, постоянно хотелось спать, а сон не шел, да и невозможно было спать по двенадцать часов в сутки. Телевизор рябил, звук уплывал – не отдых от просмотра, а мука. Говорили, что сломался ретранслятор, чинить никто не собирается; на доске возле магазина появилось объявление, что можно заказать спутниковую тарелку, которая ловит семьдесят два канала. Стоимость – три тысячи с небольшим плюс установка и настройка... Елтышевым было не по карману.

Деньги таяли. Таяли, как обычно, незаметно, непонятно на что уходили. На младенца, конечно, потратились, еду покупали, бензин, кой-какую одежду в зиму. Но все равно – пересчитывали и удивлялись...

Снег завалил проселки в лес, возить дрова стало невозможно. Муж сидел дома, шуршал какими-то старыми газетами, листал книги домашней библиотеки, подолгу курил возле печки. Раза три-четыре в неделю приносил бутылку разбавленного спирта и медленно выпивал ее в одиночестве, а потом перебирался на диван...

Как-то под конец нудного пустого дня Николай, долго ходивший по кухоньке туда-сюда, остановился перед лежащей вторые сутки на кровати теткой.

– Слушайте, – заговорил с досадой и раздражением, но и, как послышалось Валентине Викторовне, с состраданием, – слушайте, давайте я в больницу вас увезу. Чего и нас, и себя изводить? Там полечат, витамины дадут. Решать что-то надо. Сколько можно? Что это за жизнь получается – как с покойником рядом постоянно...

Тетка вроде как попыталась подняться. Повозилась и затихла. Потом слабым голосом ответила:

– Да я рада бы... Не получается только. Я уж тоже...

– Ну вот, в больнице подлечат.

– Коля, потерпи маленько еще. Здесь я отойти хочу. Здесь всю жись прожила, отсюда пускай и вынесут.

Валентина Викторовна слушала из соседней комнаты, не вмешивалась. Только дыхание боязливо задерживала.

– Что ж, – голос мужа, – когда-нибудь всех вынесут. Давайте все ляжем и будем ждать.

Тетка скрипуче, без слез, заплакала:

– Я, что ль, виновата, что не могу. А?.. Ни жить уже не могу, ни помереть...

– Да с чего вам взбрело-то про смерть?! Выйдете, вон, воздухом подышите, снегом. На табуретку свою садитесь. Чего лежать со сложенными руками?

Тетка уже не отвечала, только сухо всхлипывала, будто стараясь проглотить что-то застрявшее в горле.

Николай сел за стол спиной к ней. Посжимал пальцы, напрягая кулаки, глядя в нервно оштукатуренную, в мелких трещинах стену. Потом поднялся, достал из холодильника бутылку, тарелку с капустой, остатки копченой колбасы.

– Ла-адно, – бормотал то ли примирительно, то ли угрожающе, – ла-адно...

На другой день тетка встала. Отказывалась от еды, даже в туалет не выходила. Сидела на своем месте, равномерно качаясь. Уже перед темнотой, тепло одевшись, пошла из избы. Не сразу, от слабости, сумела открыть дверь.

– Ну куда вы опять? – остановила ее Валентина Викторовна.

– К Нюре надо... Семеновой. Поговорить.

– Мороз там, – сообщил Николай. – Снега по колено. Запнетесь, упадете.

– Да я как-нибудь... Дойду.

– Проводить вас? – Валентина Викторовна потянулась к своему пальто. – Господи...

– Погоди, – вскочил вдруг муж, – лучше я.

– Да ладно, чего ты...

– Я провожу. – В голосе Николая появилось что-то, заставившее Валентину Викторовну отойти от вешалки.

Пока он обувал унты, натягивал старый свой милицейский бушлат, тетка ушла – слышно было, как скрипит под ее ногами сухой снег. Странно громко скрипит...

– Ой, догоняй, – поторопила Валентина Викторовна. – Действительно, свалится ведь...

– И что? Тебе такое нравится? Спектакли каждый день... – Николай развернулся, шагнул в темные сенки. Хлопнул дверью так, что облако морозного пара метнулось под потолок.

...Валентина Викторовна прошла по кухне. Поправила одеяло на теткиной кровати. Присела к столу... Замерла, прислушиваясь к своему необычному состоянию: и тревожно было, и жутковато, и торжественно-приятно. Так с ней случалось в детстве в предновогодние вечера – числа тридцатого, когда уже стоит елка, ждешь скорого чуда, очень хочется спать, но сон перебарываешь, а в голове все мешается, и ты словно бы видишь краем глаза (прямо посмотреть – жутко), что совсем рядом – в углу или за занавеской – притаился кто-то. Или Дед Мороз, или бабай из леса. И в любой момент может произойти чудо или ужас... Валентина Викторовна грустно качнула головой, сказала то слово, что любила повторять в молодости, когда для этого, как казалось сейчас, не было никаких поводов:

– Нервы.

Встала, сняла с буфета коробку с лекарствами, нашла корвалол, накапала в рюмку. Ушла в комнату, включила телевизор.

– Если у вас не клеится жизнь, – пристально глядя с экрана, проникновенным голосом советовала румяная, средних лет женщина с оренбургским платком на плечах, – поймите лягушку, поставьте ее на ладонь задом к себе, плюньте ей на спину три раза и бросьте прочь. И все напасти уйдут вместе с лягушкой.

Валентина Викторовна усмехнулась:

– Спасибо! – Переключила программу, но там, как и на всех последующих, была рябь.

Погасила телевизор, вернулась на кухню. Может, посуда есть грязная... Надо себя отвлечь... Нет, на столике за печкой было пусто. Присела на теткину табуретку... Пыльные ходики раздражающе тикали, маятник равномерно покачивался туда-сюда... Зачем вообще эти

ходики допотопные? Тик-тук, тик-тук... Когда есть еще люди или чем-нибудь занимаешься, их не слышно, а сейчас – как молоточком по мозгам...

Николай вернулся минут через сорок. Громко сопя, разделся, вынул из кармана бутылку спирта и банку сайры. Выставил на центр стола, потер руки.

– Давай, что ли, пропустим на сон грядущий. Соленья там есть у нас? Или давай я в подпол слажу.

Удивляясь его не то чтобы веселому, а подчеркнуто хозяйскому какому-то тону, Валентина Викторовна открыла холодильник:

– Огурцы есть. Капуста... Тетку-то проводил?

– Угу.

– Вот куда она на ночь глядя... Беда с ней.

– Ладно, пускай-ай. – Николай закурил, и не как обычно, у печки, а за столом. – Недолго ей уже. Потерпим... Доставай там все, что есть. Аппетит разыгрался. От мороза, что ли... А снег, кстати, вали-ит!..

Хорошо они посидели вдвоем. Может, за минувший год и не сидели так, отдыхая душевно; и воспоминания на этот раз не ранили, а наоборот, помогали, давали поддержку.

Когда Валентина Викторовна взглянула на часы, было уже начало одиннадцатого.

– Тетка-то до сих пор... – забеспокоилась. – Неужели случилось что? Может, выйдем встретим?

– Сиди. – Николай доразлил спирт, получилось почти по полной стопке. – Придет, куда она денется? В крайнем случае прибегут... Давай, Валь, за то, чтобы всё у нас наладилось. Постепенно, медленно, конечно, но сдвигается. – Чокнулись.

...Опьянение ударило неожиданно, стоило только приподняться. Валентина Викторовна, стыдясь себя такой, тихо посмеиваясь, с трудом добралась до дивана и, не раздеваясь, легла. Тут же рядом оказался муж, обнял, потянул к себе.

– Всё хорошо будет, – мягко шептал, – всё хорошо...

Глава шестнадцатая

Первые дни после того, как из роддома забрали ребенка, оставили у Артема странное ощущение: вроде и суета, постоянное напряжение, вскакивание по ночам при первом же писке или, наоборот, потому, что дыхания не слышно... Да, вроде бы тяжело до предела, но тяжесть эта как-то легко переносилась. Наверное, потому что это было новое состояние, новая тяжесть.

Правда, сил у Артема хватило ненадолго – через пару недель стал валиться на кровать при первой же возможности. Днем уходил во времянку, закутывался в тряпье и засыпал, и даже угроза замерзнуть не останавливала. «Замерзну – и черт с ним», – шептал с обидой, прикрывал рукавами свитера нос...

Замерзнуть не давали – постоянно находились дела, его тормозили, давали поручения, иногда сердились:

– Ну что ты вареный такой?! Ребенок заботы требует. Твой ведь ребенок, или как?!

Артем вздыхал, тер глаза и – «ради ребенка» – шел за водой, развешивал постиранное белье, тащил в дом дрова, чистил снег во дворе.

Когда приходили родители и начинали радоваться «Родиончику», Артем раздражался, чего-то стыдился, может, и ревновал... К младенцу сам он не чувствовал ничего, кроме брезгливости и осторожности; когда по вечерам жена с тещей начинали делать ему массаж, отворачивался, в животе клочкотала тошнота.

– Чего кривишься? – ободрял Георгий Степанович. – Сам таким же был. Хе-хе. Похож. Вылитый Артемка.

Это настойчивое напоминание, что ребенок именно его, провоцировало на подозрения... Да, в те недели, когда Валя забеременела, они чуть ли не каждый вечер были близки, но большую часть суток друг друга не видели. Он-то ладно, а она – и парни говорили, и бабка Татьяна – гуляла еще как. Может, и в те недели гуляла. Днем – с кем-нибудь из местных, а вечером – с ним... И как они определяют, на кого ребенок похож, на кого не похож? Лицо сморщенное, красное, ни носа толком не видно, ни губ, ни подбородка; туловище напоминает какую-то личинку, ножки и ручки – словно связки сарделек. Между ножек крошечный штырек. Глаза угрюмые, внимательные, но взгляд странный, зрачки разъезжаются в разные стороны.

– Валь, – как-то не выдержал Артем, – он что, косой, что ли?

– Сам ты косой! Это у многих новорожденных так. Понял? Косой... Не смей так говорить. Понятно?

– Понятно.

Больше всего и изумляла, и задевала Артема грубость жены. Почти каждый его вопрос вызывал такую реакцию. Не разговаривала, а ошпаривала словами... Близости у них давно не было. Да и Артему уже не хотелось. Ничего не хотелось, кроме одиночества.

Спали в одной комнате с Родиком. За тонкой стеной храпели-сопели родители Вали, на кухонной лежанке мучалась бессонницей старуха, тещина мать... Когда даже случайно Артем ночью прикасался к жене, она испуганно-сердито шипела:

– Ты что?! Ребенка разбудишь мне... Потом, в субботу в баню пойдем...

«Ну вот, сделал мавр свое дело, – в который раз думал Артем, – пупса долгожданного произвел, и можно посылать».

Узнав, что бабка Татьяна исчезла – ушла вечером к знакомой и не вернулась ни через час, ни через неделю, – он зачастил к родителям. Ложился на пустую кровать.

Мать, конечно, переживала. Бегала к участковому, написала заявление о пропаже человека. Участковый погулял по улице, поспрашивал соседей и успокоился... Когда волнение матери готово было перерасти в отчаяние, отец осаживал:

– Что теперь делать? Сугробы перекапывать? Люди, когда чувствуют смерть, тоже хотят уйти. И она, наверно... Она же так томилась тут и нас замучила.

– Но ведь...

– Что «ведь»? Ну что-о? – отец горячился. – Ведь, если трезво посудить, и слава богу, что так получилось. Спятели бы тут, еще немного продлилось... И Артем вон хоть отоспится.

И постепенно мать смирилась. Недели через две после пропажи начала маленький ремонт на кухне. Убрала бабкины склянки, висящий на спинке кровати стеганный халат, сняла со стены ходики, выбросила из буфета разный хлам... Еще через месяц, ближе к Новому году, о старухе вроде совсем забыли, да и мало что о ней напоминало. Даже запах почти выветрился.

Помогали забыть и случавшиеся в деревне происшествия. Вот Юркиной вдове вдруг начал сниться муж. Точнее, первому он приснился дружку и собутыльнику Ваньке Калашову, а потом и Людмиле. Сны были непростые, и Ванька с Людмилой стали ходить по деревне, об этих снах рассказывать, а потом просить совета... Однажды Артем застал их у родителей.

– Сплю, значит, – страшно округляя глаза, будто это случилось только что, говорил Ванька, – ну, немного принял вечером... Сплю. И тут – бац – иду по нашему кладбищу, гляжу, а из Юркиной могилы ботинки торчат. Не ботинки, а эти...

– Кроссовки они называются, – подсказала вдова. – Запомнить пора бы...

– Ну, аха... И голос Юрки: «Вань, скажи Людке, чтоб переобула. Я эти кроссовки всегда ненавидел, носить отказывался, на хрена она меня в их похоронила?» Я во сне чуть в штаны не наклал... Просыпаюсь весь мокрый, лежу, в темноту пучусь. А сон такой, как на самом деле всё... До утра не уснул больше, а утром к Людке побежал, рассказал всё...

– А на другую ночь, – подхватила вдова, – и мне то же самое. Только теперь я сама по кладбищу шла... И каждый раз, только усну, повторяется... Нет, я не свихнулась, – заметила взгляды Елтышевых, – нет. Это другое... Бывает ведь. И по телевизору про это сколько передач... Я кроссовки ему лет пять назад купила, в город ездила, там увидела на рынке. Цена маленькая, на вид – симпатичные, и купила. А он... Юрий – ни в какую. В чулан бросил: «Сыновья вырастут, пускай таскают». И вот... Когда хоронили его, – в голосе слышались слезы, но вдова пересилила себя, не заплакала, – когда хоронили, я и решила надеть... Обувки никакой путной не было, а они новые, не ссохлись даже. А теперь... Он и на том свете теперь... Оттуда... – Всё же заплакала, шепотом извиняясь, стала вытирать платком глаза, хлюпала, глотая слезы. – И мне покою не дает, с ума сводит.

– Так вот мы с Людкой посоветовались, – заговорил Ванька Калашов тихо, доверительно, – еще с людьми... Может, эту, эксгумацию провести? Ну, и переобуть. Как? Ведь делают, если надо... К управляющему ходили, он хмыкает только, отмахивается. Вот ему бы приснилось такое – я б посмотрел. Первым бы с лопатой побежал...

– Что вы посоветуете? – успокоившись, перебила вдова. – Вы всё же люди знающие. Можно такое сделать? Он ведь меня доконает. Каждую ночь... А у меня ребятишки, кто за ними будет, когда я в дурдом... Ведь можно?

Отец, давая усмешку, пожал плечами:

– Теоретически – возможно. Но для эксгумации нужна более веская причина... Ну, чем сновидения.

– А сорок дней не прошло? – спросила мать. – Говорят, пока сорок дней не пройдет, покойник рядом с живыми...

– Да кого сорок дней! – снова округлил глаза Ванька. – Три месяца уж доходит.

– М-да. – Отец поднялся, взял с печки сигарету, закурил. – Надо, как я понимаю, заявление писать. На имя... Наверное, в прокуратуру... – Артем видел, что отец советует наобум, сам не зная, как поступить в этом случае.

– Или лучше, – перебила, вырывая, мать, – в церковь съездить. Поставить свечку...

Отец с готовностью подхватил:

– Во-во! Посоветоваться со священником. Там-то опыт есть.

– Да, надо в церковь, – как-то по-старушечьи покивала вдова. – Что ж, спасибо...

«А ей лет тридцать пять, – подумал Артем, – или слегка побольше. Выглядит неплохо, хоть и детей столько, с мужем так... И Харина тоже – никогда не подумаешь, что пятерых нарожала». И внизу живота неожиданно напряглось, захотелось женщине... Отвернулся, показно зевнул. Нужно было выспаться, чтобы утром появились силы выполнять поручения жены и тещи.

Поначалу родители не скупилась на траты для внука. Давали деньги и лично Артему, не спрашивая для чего, на какие расходы... Часть их Артем откладывал, прятал в своих вещах; на другую часть, как и раньше, покупал продукты не из обычного деревенского рациона. Еще кое-что отдавал Вале – в семейный бюджет...

Новый год отметили совместно – двумя семьями. Начали совсем по-родственному, тепло, желали друг другу в наступающем всего самого лучшего. Радовались «новому человечку». А потом, уже прилично выпив, старшие Елтышевы и Тяповы стали планировать будущее детей. Планы и мечты быстро превратились в спор, а спор – в ссору.

– Да, у нас торчит! – почти кричала мать на упреки тещи. – А как ему?! На нем вон лица не было. Что вы тут с ним делаете, не знаю...

– Ничего с ним не делают, – так же, на повышенном тоне, отвечала теща. – За ребенком маленьким, конечно, уход нужен. А если он привык...

– Свой дом им нужен, отдельный. Там пускай и разбираются, – перебил жену Георгий Степанович и тут же получил ответ от отца:

– Так давайте строить! Я начал, но помощи никакой. Мне, что ли, одному это надо?

– Можно подумать, для Вальки с Артемом вы его исключительно строите! – теща готова была захохотать. – Сами первые и въедете.

– А вам-то дело какое?! Я крестовый строю, всем хватит места.

– Аха!..

В комнате заплакал Родик.

– Ну вот, – вскочила Валя. – Тише можно?! Что вы взбесились?!

Родители Артема стали собираться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.